

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Гриша Брускин

Прошедшее
время
несовершенного
вида...
и не только

18+

Григорий Давидович Брускин

Прошедшее время несовершенного вида... и не только

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69759067

*Прошедшее время несовершенного вида... и не только: Новое
литературное обозрение; Москва; 2023
ISBN 978-5-4448-2314-5*

Аннотация

Гриша Брускин – один из самых известных в мире художников, вышедших из советского неподцензурного искусства. До 1986 года его художественные работы были известны немногим, а в 1988-м – стали сенсацией на первом московском аукционе Sotheby's, где были проданы за рекордную по тем временам сумму. Этот эпизод – лишь небольшая часть вошедшего в книгу документально-биографического полотна, в котором Брускин показывает парадоксальную встречу частного человека и большой истории. Его тексты отличает остроумие и легкость, а также внимание к гротескным деталям повседневной жизни на двух континентах, маленьким и большим драмам человека XX столетия. В них отражается как личная биография, так и судьба целого поколения: от взросления в еврейской семье в послевоенном СССР, первых столкновений

с антисемитизмом и абсурдностью позднесоветского быта до мира неподцензурного искусства и жизни в эмиграции. Брускин использует остранный, детский взгляд на окружающий мир, делающий короткие документальные зарисовки такими же выразительными, как зрительные образы его художественных работ. Впервые под одной обложкой собраны произведения, поставившие Брускина в ряд самых значимых писателей своего поколения, а визуальные материалы из личного архива автора открывают для читателя еще одно измерение этих текстов, помогающее ощутить в них дыхание истории.

В книге содержится обценная лексика

Содержание

Прошедшее время несовершенного вида	14
Кладезь	14
Нюрка	16
Сквозь чугунную решетку	17
Открытка на память	18
Я хотел быть как «все»	19
Мелкий вредитель	20
Предательство	22
На прогулке	23
Старье берем!	24
Читая «Буратино»	25
Сердце остановилось	26
Пещера Аладдина	27
Я поверил в себя	28
Святой дух	29
Кукольное воскресение	30
Идеал	32
Один раз	33
На переменке	34
Поэт	35
А вот Рафаэль	38
Мечта жизни	39
Он тоже не верил	40

За честность	41
Пытка	42
Курчавый, шоколадный	45
Зеленый	46
Страшная болезнь	47
Про тычинки и пестики	48
Следы войны	49
Сон	50
Командир спортсменов	51
Все равно смахивали на немцев	52
Язык врага	53
Вынь руку из кармана!	54
Новое ругательство	55
Бабушка, а ты веришь в Бога?	56
Золотое кольцо	59
Гриша, ты все еще рисуешь?	61
Небесная красота тети Сарры	62
Осколки еврейской Помпеи	64
Я не такая дура	65
Евреи и жида	66
Умирая от страха	67
Синяя рука	68
Вскарабкавшись по стене	69
Слепой	70
На краю	72
Подлые авторучки	74

Мотать на ус	75
Жизнерадостный Денис	76
Свидетельство очевидца	77
Шляпка	78
Кто в это поверит?!	79
Подруга на всю жизнь	80
Свет луны	81
Главсахар	83
Сколько время?	84
Неужели все живы?	86
Старый пердун Моисей	87
Совет	88
Полукровка	89
Страшное слово	90
Говёновна	91
Творческое вдохновение	92
Прелести побледнели, но не исчезли	93
У Диды на дне рождения	94
Прихватив папку с рисунками	95
Свежесть искусственного винограда	96
Что пережили Рина Зеленая и Наталья Викторовна	97
Ненадежная профессия	99
После уроков	100
Гриша, ты слышишь?	101
Экспрессивная манера	102

Аферист	104
Фазанье перо	106
Томик Рильке	107
Сын братьев Васильевых	108
Дама «из бывших»	109
Дзампано	112
Затерянный мир	113
Я всю жизнь этого ждала	114
Билетик парижского метро	115
Вопросы бытия	117
Еще минутка...	118
Умру – не умру	119
Жить хочешь – пей	120
Громко стучали зубы	121
Пуговицы на ширинке	122
Брежнев с какого года?	123
Если у вас падет верблюд	124
Горсть мелочи	125
Тайник	126
Сверкнув золотыми зубами	127
Смерть товарищей	128
Инструмент для шашлыка	129
На коврах	130
Ведьмино зелье	131
Мир невиданных красок	132
На полпути	133

В Москву хочу	134
Совершенству нет предела	135
Как цыгану живется на Святой Руси	136
Странные люди	138
Тебе этого не понять	139
Стихи нового знакомого	140
Не лезь в наше русское искусство	142
Офицер израильской армии	143
Георгий Победоносец	144
Мужские причиндалы	145
Черт с хвостом и рогами	146
Человек в шляпе	147
Смирительная рубашка	148
В знак протеста	149
Прозорливо сделав обрезание	150
Товарищ начальник, будьте гуманны!	151
Приговор	152
Выстрел в упор	153
Об этом тоже следует подумать	154
За... твою мать	156
Мастер – золотые руки	158
Жены приходят и уходят	159
Браку – нет! Жизни степного волка – да!	160
На языке Стендаля	162
Удивительное сочетание красного с золотым	163
Неправдоподобная история	164

Кофе и чай	165
Ася Федоровна и ее неограниченные возможности	167
Чиполлино – старая больная женщина	168
Женщина должна оставаться тайной	169
Проклятье	170
Мамусь?!	171
Птичка моя, как ты вырос!	172
Берем сбербанк	173
Может быть, в последний раз	174
Среди уголовных рож	175
Как это прекрасно!	176
Волнующий политический митинг	177
Кусок винограда	180
Любовь русской девушки	181
Спор народов	182
Ударили по рукам	183
Скрытый и опасный враг	184
Еду в Мадрид брать за ж... Долорес Ибаррури	186
Антисоветское отродье	187
Например, вы толкнули кого-нибудь на улице	188
Жена врага СССР	189
Боевое сердце генерала	190
«Они»	191
Голова за раму зашла	192
Алексей Иванович и очки	193

Напился и валялся как палка	194
Иностранное имя	195
Дай конфетку	196
Уж так хорошо...	197
Небезуспешно	198
Нам будет очень удобно	199
Кому служите? На кого работаете?	201
Это так благородно	202
Как грязный носок	203
Достойный ответ	204
Бизнесмен	205
Радость	206
Некто	207
Вылитый вор	208
Синий пакет	209
Не забыв заглянуть под кровать	210
Топтун	212
Тяжелая алкоголичка	213
С акцентом пленного немца	214
Призрак	215
В свободной стране	216
Иди сюда, я тебя метровым сделаю	218
Отпросился на горшок	219
Пусть думают, что они – Мересьевы	220
Динозавр	221
«Телега»	222

Человечество в опасности	224
Старик, ты, надеюсь, понял...	226
Волчий билет	227
Верный ленинец	229
Непроинформированная общественность	230
Обновленные принципы	232
Жрицы власти	234
Ценное указание	235
Во-первых, никакой композиции...	236
Рабочее слово	237
Странная организация	238
Мистер Твистер	240
Не обнаружив художественной ценности	242
Я только пописал	243
Условные обозначения	245
Вообще-то дороговато	246
Конец ознакомительного фрагмента.	247

Гриша Брускин Прошедшее время несовершенного вида... и не только

На обложке книги: Гриша Брускин. Фотография Юрия Желтова

В книге использованы репродукции картин и скульптур Гриши Брускина, а также фотографии из архива автора.

На с. 172 – фотография Марианны Волковой.

На с. 563 и 567 – фотографии из коллекции Алексея Логинова.

© Г. Брускин, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, макет, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

* * *

Моей жене Алесе

Воспоминание! Красивое слово.

Вспомнишь одно – будет один человек.

Вспомнишь другое – другой.

Вспоминать – воссоздавать, а точнее, создавать заново прошлое.

Линейна ли память?

Да нет, пожалуй.

Мы часто переставляем события, путаем сны с действительностью, литературу с жизнью, принимаем желаемое за бывшее.

А бывшее забываем.

Сомневаемся.

«Сомнение» – вот чудное слово!

Я бы сказал – принцип.

Принцип нарратива.

Или еще лучше: творческий метод.

Воспоминание бесконечно – фрагмент без начала и конца еще одной, «иной» реальности.

Как сновидение, безумие или искусство.

Пока хотя бы один из нас еще жив, прошлое не умерло. Лишь дремлет.

Разбуженное воспоминаниями, оно, как ветер занавеску, шевелит настоящее и еще не случившееся будущее.

И врата по имени «Мгновение» скрипят.

Прошедшее время несовершенного вида

Кладезь

В юности, читая любимые книги, я часто думал:

– До чего же у этих счастливых авторов было яркое, насыщенное событиями детство. Кладезь для литературного творчества.

Я рассуждал:

– Если вдруг решу написать книгу, что я могу почерпнуть из моей обыкновенной, стандартной детской жизни?

Нюрка

У нас была молоденькая домработница Нюрка.

По утрам Нюрка мыла и одевала меня.

Однажды, увидев, что простыня мокрая, она пригрозила, что все скажет девочке Диде, приглашенной вечером на мой день рождения.

Я с криком вцепился в Нюркины волосы.

После этого мы каждое утро дрались.

Сквозь чугунную решетку

Умер профессор Карл Круг, живший этажом ниже.

Нюрка решила, что ребенку необходимо показать покойника.

Сверху, сквозь чугунную решетку перил я увидел, как вынесли гроб.

В гробу неподвижно лежал человек с белым лицом, окруженный цветами. Вокруг толпились заплаканные родственники.

Вернувшись домой, я стал приставать к домашним с бесконечными вопросами.

К моему удивлению, взрослые не на все вопросы сумели ответить.

Открытка на память

Как-то раз, оставив меня одного в песочнице, Нюрка пошла на свидание с солдатом.

Через меня перепрыгнула огромная немецкая овчарка в железном наморднике по кличке Дуглас.

Я подумал, что это волк, и онемел.

После этого мне два года восстанавливали речь в специальной школе.

Обнаружив, что я нем, родители выгнали Нюрку.

Прощаясь, мы обнимались и плакали. Нюрка мне подарила открытку, раскрашенную анилиновыми красками, на память о себе.

Я храню ее до сих пор.

Я хотел быть как «все»

Лет до пяти я не знал, что еврей, пока мальчишки во дворе не начали меня дразнить.

Пожаловавшись маме, к своему огорчению, обнаружил, что и вправду еврей и что мама и папа – тоже евреи, и даже бабушка и четыре сестры – евреи.

Я хотел быть как все.

Но «все» не хотели признавать меня «своим».

Мелкий вредитель

Утром я надел чистенькие темно-коричные чулки в рубчик.

Ловко пристегнул резинками к лифчику. Взял ножницы и аккуратно вырезал на них дырки разного диаметра.

– Ты опять вырезал дырки на новых чулках! – возмутилась мама.

– Мамочка, честное слово, они так порвались, – бессовестно врал я.

Мама не верила.

– Мелкий вредитель, – в духе времени комментировал отец.

Предательство

В детском саду я влюбился в девочку с пепельными кудрями по имени Наташа.

Не зная, что бы такое придумать, предложил ей дружно снять штанишки и обменяться впечатлениями.

Нас «накрыли» и сурово наказали. Вместо того чтобы играть и веселиться, мы должны были целый день оставаться в спальне, каждый в своей кровати.

Наташа «стукнула» воспитательнице, что я был заводилой, и перестала со мной разговаривать.

Это было первое предательство в моей жизни.

Я очень переживал.

На прогулке

На прогулке я оказался в паре с симпатичной девочкой Катей.

Девочка повздорила со мной и обозвала евреем. Увидев мою реакцию, она сказала:

– Что ты обижаешься? Еврей и дурак – это одно и то же.

Старье берем!

– Старье берем! – раздавался голос с улицы.

Взрослые кидали человеку с мешком всякий хлам. Дети выносили из дома во двор, что плохо лежит.

Девочкам старьевщик дарил медные колечки.

Я представлял, как поздно ночью старичок снимает лохмотья. Зажигает свет. И вынимает из мешка добытое старье.

Среди барахла блестят золотые монетки.

Сверкают драгоценные камни.

Читая «Буратино»

Читая «Буратино», в Стране дураков я тотчас узнавал Америку.

Кто бы мог подумать, что однажды там поселюсь.

Сердце остановилось

Я играл и с криком залетел к отцу в кабинет, явно помешав ему работать.

Папа отложил рукопись, вынул пистолет и, наставив его на меня, сказал:

– Если не уберешься – застрелю!

Я почувствовал, как сердце остановилось от страха.

Неужели это было?

Пещера Аладдина

В пять лет отец повез меня в Ленинград.

Мы пришли в Эрмитаж. Я был в восторге, чувствуя себя в волшебной пещере Аладдина.

Вскоре мне захотелось в туалет. Мы побежали к выходу.

Мимо проносились сокровища, доспехи, картины.

– Папа, мы вернемся? – спрашивал я на бегу.

Мы не вернулись. Фильм оборвался.

Я был заинтригован.

Так у меня появился интерес к искусству.

Я поверил в себя

В детстве мне представлялось, что на свете есть два Бога – Ленин и Сталин.

Сталин все-таки был главнее.

Увидев портрет Отца народов в газете, я старательно его срисовал простым карандашом в свой альбом.

Домашние, увидев шедевр, впервые оценили мой талант.

Я поверил в себя.

Святой дух

Однажды отец сказал, что покажет Сталина.

Посадил на плечи, и мы отправились на первомайскую демонстрацию.

На Красной площади почудилось, что вождь на меня взглянул.

Моей жене повезло меньше. Ее папа, Юрий Георгиевич, тоже решил приобщить детей к народу и пойти посмотреть военный парад.

Святой дух этого не допустил: только вышли из дома, голубь накакал на папину шляпу.

Слиться с массами не удалось.

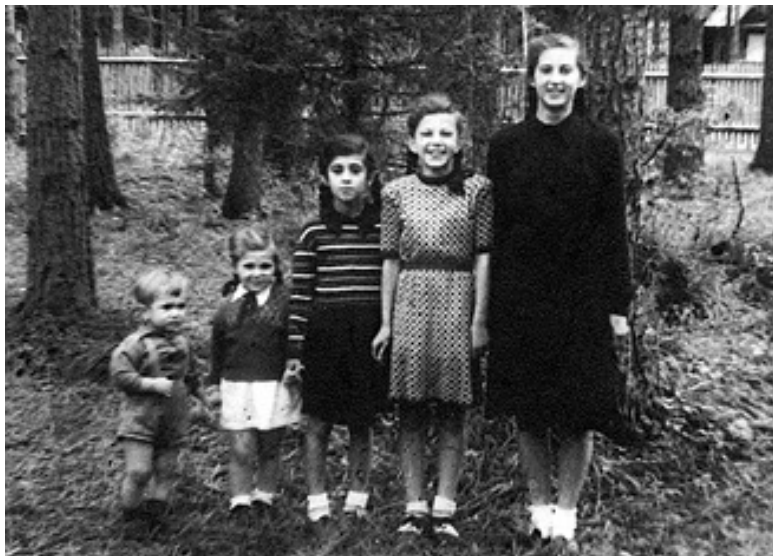
Вернулись домой.

Кукольное воскресение

Самой волшебной игрой в детстве был домашний кукольный театр.

Выгнав меня из комнаты, сестры сооружали кулисы. Когда все было готово, меня – единственного зрителя – впускали и усаживали на стул.

Вход за кулисы был строго запрещен.

Представление начиналось.

Знакомые игрушки, включая сильно потрепанную куклу, привезенную отцом из Германии, оживали.

С одной стороны, было понятно, что за занавеской происходит подстроенный сестрами обман.

С другой – чудесное кукольное воскресение было налицо.

Я пребывал в замешательстве.

Наигравшись с куклами, сестры брались за меня.

Нарядив в одно из лучших платьев, мне завязывали красивый бантик на голове.

Идеал

Родители отвели меня в школу.

Во дворе нас встретила женщина с благородным седым пучком и в шерстяной вязаной шали, накинутой на плечи.

Звали учительницу Марь Иванна.

Я горячо ее полюбил. Марь Иванна казалась идеалом и совершенством. Никого не было мудрее, добрее и красивее на свете.

Во втором классе Марь Иванна покрасилась в неудачный коричневый цвет.

Идеал померк, тотчас превратившись в глупую, злую, полуграмотную тетку с крошечными глазками-угольками и вострым торчащим носиком.

Один раз

Один раз рано утром прибежала наша соседка Ляля.

Вся в слезах, она прорыдала, что Сталин умер и завтра начнется война. Враг, зная, что нас никто уже не может защитить, тотчас воспользуется случаем.

В школе нас отпустили с уроков.

На перемене

Во втором классе мальчиков и девочек объединили.

Я тотчас влюбился.

На перемене девчонки, включая предмет моих тайных воздыханий, столпились вокруг классного журнала, забытого Марь Ивановой на столе. Заглянув в конец, где помещались анкетные сведения об учащихся, они выкрикивали:

Баринов – русский!

Яшин – русский!

Назаров – татарин!

Сейфулин – татарин!

Затаив дыхание, я наблюдал в открытую дверь.

– Брускин – еврей!

Раздался звонок. Я вошел в класс, и мне показалось, что девочки иначе посмотрели на меня.

Поэт

В четвертом классе я подумал:

– Влюбленный человек должен писать стихи.

Завел толстую тетрадь и накатал два десятка произведений, лихо рифмуя слова типа «молю-люблю».

Перечитав, добавил для солидности стихи о Ленинграде, в котором побывал в пятилетнем возрасте.
Получилось недурно.

В девятом классе мне попала на глаза сокровенная тетрадка. Устыдившись, я уничтожил ее.

А вот Рафаэль

Большинство мужчин в моем детстве были военные.

Демобилизоваться из армии было чрезвычайно трудно.

Художник Митя Лион рассказывал, что полжизни не мог избавиться от погон.

Мой отец тоже носил форму. Приехав после войны из Берлина, он привез немецкий автомобиль вишневого цвета – «Опель-Капитан».

Идя как-то по делу к своему боссу, академику, генерал-полковнику Кулебякину, отец прихватил меня с собой. Дом был заполнен картинами, рисунками и скульптурами.

Вот это – Леонардо да Винчи, – комментировал хозяин.

А вот – Рафаэль.

Мечта жизни

В шесть лет меня, малолетку, отправили в пионерлагерь.

Чтобы утешить, отец подарил мне «мечту жизни» – солдатскую флягу.

На следующий день заезда я взял флягу и решил попить. Отвинтив крышку, я отпрянул: драгоценный подарок был до краев злодейски наполнен мочой.

Он тоже не верил

Мальчишки после отбоя захлеб объясняли друг другу, как делаются дети.

Как мне советовала мама в таких случаях, я выбрал интеллигентного на вид мальчика и сказал ему:

– Я не верю в эти сказки. А ты?

Он тоже не верил.

Мы стали держаться друг друга.

За честность

В лагере я дружил со своим ровесником – родственником Ленькой.

Однажды мы с Ленькой весело катались на карусели. Неожиданно нас окружили «бандиты» из старшего отряда.

Самый главный, с наколкой, по нашему разумению – уголовник, подошел к нам вплотную и не предвещавшим ничего хорошего тоном спросил:

– Евреи?

Я понимал, что, если скажем «евреи» – убьют на месте.

Если скажем «нет», позор покроет наши головы на всю жизнь. Приготовившись к смерти и холодея от ужаса, я произнес:

– Евреи.

Бандит полез в карман и протянул мне конфету, сказав:

– Это тебе за честность.

Пытка

Отец преподавал в Московском энергетическом институте.

Как-то раз меня некуда было девать, и он взял сына с собой на работу.

Мы зашли в омерзительное помещение: на стенах висели стенды со множеством неприятных приборов и счетчиков. В

воздухе стоял отвратительный металлический запах.

Посередине громоздилась кабина самолета-бомбардировщика. Посадив меня на место летчика, папа сказал:

– Если ты нажмешь на вот эту красную кнопку – все взорвется, – и ушел читать лекции.

Оцепенев, я целый час просидел, неотрывно глядя на гнусную кнопку, преодолевая желание надавить на нее.

Я едва выдержал.

Курчавый, шоколадный

Мне очень хотелось увидеть настоящего, курчавого, шоколадного негра.

Мечта сбылась.

В костюме и шляпе заокеанский «товарищ» проплыл в сантиметре от меня по нашей обыкновенной улице Казакова. Обезумев от счастья, я побежал домой.

Взрослые почему-то остались равнодушны к сенсации.

Зеленый

Спустя многие годы к нам домой пришел негр.

Симпатичный гость очень понравился сыну, и они с увлечением играли пару часов подряд.

В конце концов Тёма устал, посмотрел негру в глаза и попросил:

– А теперь стань зеленым.

Страшная болезнь

В определенном возрасте я время от времени с удивлением стал чувствовать необычное оживание и неудобство в трусах.

Я решил, что заболел страшной болезнью и скоро умру.
Поговорить с отцом не хватало мужества.

Про тычинки и пестики

Копаясь в библиотеке, я наткнулся на книгу воспитателя Макаренко.

Макаренко рекомендовал каждому отцу поговорить с сыном, когда тому исполнится шестнадцать, на деликатные темы.

Я подумал:

– Вот будет смешно! Папа мне про тычинки и пестики...

А я давно все знаю.

Видимо, догадываясь о моей осведомленности, отец никогда в жизни со мной об этом так и не завел речь.

Следы войны

Война воспламеняла воображение детей моего поколения.

Повсюду были видны ее следы.

В детский сад под Москвой, в котором я проводил лето, приезжали саперы с миноискателями и находили на территории неразорвавшиеся немецкие мины. В лесу попадались землянки, дзоты и военные каски.

Большинство детских книг и фильмов были о войне и немецких шпионах.

«Немец» и «фашист» были синонимами.

Я искренне сожалел, что война прошла и я не могу доказать, какой я мужественный бесстрашный герой.

Сон

Наслушавшись рассказов, я часто видел во сне поле с убитыми русскими солдатами.

Я один живой, но притворяюсь мертвым, надеясь, когда стемнеет, уползти в лес. Немцы шарят по полю среди убитых в поисках золотых зубов. У меня, у мальчика, все зубы свои, но открыть рот по законам моего сна означает предательство. Надеюсь, что пронесет. Вдруг сквозь ресницы вижу высокие голенища сапог.

Я просыпался в холодном поту.

Командир спортсменов

Напротив дома, где я родился, в парке располагался Институт физкультуры имени Сталина.

Посередине клумбы с анютиными глазками возвышалась стальная фигура вождя. Вокруг «лучшего друга физкультурников» и повсюду в парке были установлены десятки скульптур, изображающих советских спортсменов.

В детстве я воображал Сталина командиром этих спортсменов.

Все равно смахивали на немцев

Фигуры были выполнены немецкими военнопленными.

Фашистские и советские скульптуры были очень похожи.

Художники, не переучиваясь, легко справились с задачей.

Но спортсмены все равно смахивали на немцев.

Язык врага

В школе преподавали немецкий и английский.

Я, послевоенный ребенок, хотел изучать все что угодно, только не язык врага.

«Немкой» была красивая, по моде одетая женщина, Наталья Константиновна Хейфец – приятельница нашей семьи. Ее муж погиб на фронте. Учительница пользовалась большим уважением моей мамы за то, что не вышла второй раз замуж и, будучи русской, не сменила мужнину еврейскую фамилию.

Отцу казалось неудобным отдать меня к незнакомой «англичанке». Так я стал учить немецкий язык.

Вынь руку из кармана!

В пятом классе у нас появился новый классный руководитель, математик Петр Петрович.

Он носил френч и беспрестанно нас воспитывал:

– Баринов, вынь руку из кармана! Сейфулин, еще раз увижу руку в кармане – поставлю в угол! Брускин, держать руки в карманах вредно!

Я никак не мог понять, что учитель имеет в виду.

Новое ругательство

С наступлением зимы стадион Института физкультуры преобразался в замечательный каток.

Привязав коньки к валенкам и прихватив украденные у отца папиросы, я шел кататься.

От затяжек на морозе кружилась голова.

Был 1956 год. На Ближнем Востоке шла война.

От мальчишки Измаила я услышал новое ругательство в свой адрес – «Израиль».

Бабушка, а ты веришь в Бога?

В детстве мы жили вместе с бабушкой.

Дома религиозные обычаи не были в обиходе.

Тем не менее у бабушки всегда была припрятана маца, выпеченная под наблюдением московского раввина Фишмана, которая выдавалась внукам как лакомство.

Нас было пятеро. Вечером в пятницу мы начинали приставать к бабушке:

– Зажги, пожалуйста, свет. Что-то темно. Пойдем, ты купишь нам мороженое. Знаешь, звонила тетя Роза. Просила тотчас перезвонить. Вот телефон. Бабушка, а ты веришь в Бога?

Бабушка улыбалась, с места не двигалась.

И не отвечала.

Золотое кольцо

В пятилетнем возрасте мама пережила еврейский погром в Ельце.

Из окна своего убежища она видела, как казак потребовал у ее тетки золотое кольцо с руки.

Кольцо туго сидело.

Не желая ждать, казак, сверкнув шашкой, отрубил палец.

Вспоминая, мама волновалась и плакала.

Гриша, ты все еще рисуешь?

Папа в праздники и в дни рождений патриархально собирал родственников.

Мама на следующий день рассказывала кому-нибудь по телефону:

– Были только свои. Человек сорок.

Появлялись мои бабушки и тетки с накрашенными губами, в шелковых платьях с брошками.

Приезжала из Малаховки тетя Муся и, умиляясь, норовила больно по-еврейски выкрутить мне щеку. Я спасался от нее в дальних углах квартиры.

Как в детстве, так и когда мне было уже лет за тридцать, Муся не забывала спросить:

– Гриша, ты все еще рисуешь?

Небесная красота тети Сарры

Бывали: сумасшедшая тетя Бэлла с лицом короля Лира и седым «мелким бесом» на голове; коллекционер марок дядя Давид; непутевый адвокат дядя Йоська; честный морской офицер дядя Боря, любивший принципиально поговорить об искусстве.

За дверью слышались мелкие шаркающие шажки прибывающей на больных ногах малюсенькой тети Розы – младшей бабушкиной сестры.

Наведывалась из Ленинграда моя любимая тетя Ханна, и так до бесконечности.

Дедушка Иосиф зачитывал специально к случаю написанные стихи.

Отец тамадой восседал во главе стола. Вспоминали небесную красоту тети Сарры, которую, по общему мнению, можно было бы «за деньги показывать в Израиле».

Родственники, бывало, любили – к моему ужасу – спеть что-нибудь на идиш.

Осколки еврейской Помпеи

В юности я не любил эти вечера.

Стеснясь местечковости гостей, не чувствовал с ними ничего общего и норовил смыться из дома.

Позже с удовольствием бывал на этих собраниях «осколков еврейской Помпеи».

Общего так и не появилось. Но я стал взрослым, и меня заинтересовала сама «Помпея».

Я оказался в роли этнографа-исследователя.

Когда моя жена впервые пришла на очередной родственник «шабаш», тетя Дора, узнав, сколько ей лет, воскликнула:
– Вы что, все это время в холодильнике пролежали?

Я не такая дура

Когда я обратился к тете Розе с предложением написать ее портрет, она сказала:

– Ты не думай, что я такая дура и соглашусь.

Евреи и жи́ды

Одним летом мы снимали дачу в Кратово.

В том же доме жила полная девочка Софа. К нам на участок приходил играть рыжий мальчик по имени Исак.

Однажды Софа отвела меня в сторону и сказала:

– На свете есть евреи и жи́ды. Мы с тобой, Гриша, – евреи.

А Исак – жид.

Я очень удивился.

Умирая от страха

Тем летом, начитавшись Конан Дойля, я убедил себя, что собака Баскервильей, как Вечный жид, скитается по свету и может запросто забежать к нам в Кратово.

Я просыпался ночью. Выходил в одних трусах в сад.

Умирая от страха и дрожа от холода, всматривался в темноту, ожидая увидеть светящиеся глаза чудовища.

Синяя рука

Я с другими мальчишками подсматривал в окно.

Тяжелая штора отошла, образовав щелку.

Мы увидели отрезанную руку без кожи.

Решив, что там поселился живодер и людоед, я с ужасом убежал домой.

«Синяя рука» повсюду кралась за мной. Я забил тревогу. Взрослые легкомысленно не прислушивались к гласу вопиющего в пустыне.

Позже, во время учебы в институте, нас повели в анатомический кабинет Института физкультуры.

Я узнал злополучное окно.

Вскарабкавшись по стене

Наше внимание привлекало и другое окошко, замазанное белой краской. Вскарабкавшись по стене, мы глазели в форточку: в душе мылись ядреные спортсменки-дискоболки и прыгуньи после тренировки на стадионе.

Девушки засекли нас и грозили оторвать уши.

Понимая, что для этого им надо сначала одеться, мы не спешили убегать.

Слепой

После войны всем чудились шпионы.

Рассказывали истории.

Например: шпион, переодетый милиционером, вошел в трамвай. Он не знал, сколько надо заплатить за проезд. Граждане вокруг мгновенно его раскусили и сдали куда надо.

Повсюду были калеки и инвалиды.

На нашей улице каждый день в одно и то же время появлялся слепой в круглых синих очках. Он медленно продвигался вперед, постукивая палочкой перед собой.

Мы, мальчишки, решили, что он точно шпион. Нашли дядю милиционера и все ему рассказали.

Вспоминая, я до сих пор сгораю от стыда.

Спустя много лет в моих картинах появился образ слепого.

На краю

Мы приехали с отцом в Ленинград.

Двоюродный брат Илья позвал меня в парк на Васильевском острове попрыгать с парашютной вышки.

По мере восхождения на башню мужество меня потихоньку покидало. Наконец мы оказались на головокружительной высоте среди облаков.

Храбрый Илья, не мешкая ни минуты, пристегнул ремни, разбежался и исчез.

Я подошел к краю и, сделав шаг, замер.

Подлые авторучки

1957 год. Международный фестиваль молодежи и студентов.

Говорили, что иностранцы разбрасают повсюду красивые привлекательные авторучки. Доверчивый русский прохожий поднимет приманку и тотчас взорвется.

Родители увезли детей на Рижское взморье.

Подальше от подлых авторучек.

Мотать на ус

Одной из форм воспитания детей в семье были назидательные истории.

Мама, как бы невзначай, вспоминала дальнего родственника.

Родственник в юности встретил молодую, хорошую, веселую русскую девушку Марусю. Поженившись, они прожили вместе душа в душу двадцать пять лет. Раз он приходит домой, а Маруся ему вдруг ни с того ни с сего:

– Жидовская морда.

Родственник, ни слова ни говоря, берет зубную щетку, рубашку и уходит от нее.

Ночью. Навсегда.

Дети должны были мотать на ус.

Жизнерадостный Денис

Или, например.

В юности отец дружил с отличным, жизнерадостным, талантливым парнем по имени Денис.

Денис подавал надежды. Но, имея слабый характер, попал в дурную компанию и спился. Надежды рухнули. Денис опустился.

Однажды раздался звонок. За дверью стоял сморщенный легендарный пьяница.

Мама выразительно на меня посмотрела.

Свидетельство очевидца

По уверениям моей мамы, в пору ее юности в комсомол шли только проститутки.

Стесняясь произнести страшное слово «проститутка», мама подыскивала подходящий эквивалент, например: персонаж из фильма «Ночи Кабирии».

Шляпка

У меня были две двоюродные бабушки, родные сестры – тетя Дора и тетя Рахиль.

Одна жила в Ленинграде, другая – в Москве. Обе были очень старые.

Горячо любя друг друга, сестры обменивались подарками в дни рождений.

Однажды Дора послала в подарок Рахили красивую соломенную шляпку. Когда наступил черед сестры, она, забыв, откуда шляпка, передарила ее назад тете Доре. На следующий год, то ли в отместку, то ли запамятавав, тетя Дора отправила ее в дар обратно.

Так они и обменивались шляпкой, пока одна из них не умерла.

Кто в это поверит?!

Дальний родственник, высокий старик Ошер, недоверчиво рассуждал:

– Русские! Непорочное зачатие! Кто в это поверит?!

Подруга на всю жизнь

Я повел мою будущую жену Алесю знакомить с двоюродными дедушкой и бабушкой.

Дедушка Иосиф – в красивой жилетке и при галстукe – открыл дверь. Ему показалось, что он недостаточно элегантно выглядит. Едва поздоровавшись, мгновенно исчез, через минуту выйдя «комильфо» – в добротном пиджаке.

Оказалось, что мы, перепутав, пришли днем раньше, и дедушка не успел подготовиться.

Появилась бабушка Ревекка, его жена, в кофточке, схваченной у ворота камеей. Увидев Алесю, бабушка строго без улыбки спросила:

– Гриша, это подруга на всю жизнь?

Я подтвердил.

– Ой, какая хорошенькая! – тотчас подобрев, воскликнула она.

Свет луны

Спустя несколько лет Ревекка и Иосиф, прожившие жизнь в любви, в возрасте девяноста четырех лет решили уйти в мир иной.

На римский манер, приняв яд.

Их светлой памяти я посвятил свою картину «Свет луны».

Главсахар

У моей жены Алеси были родственники по фамилии Магарас.

Все как один работали в «Главсахаре»:

Гидя, известная своим дурным характером;

Зяма, который ее терпел;

Ида, чей возраст – сто семь лет – никогда не менялся;

Давид, у которого был постоянный запор;

Павлуша, громко певший русские народные песни на кухне в надежде, что у Иды случится инфаркт;

Пишерке Мэри – самая молодая;

Александр, чьим единственным занятием было чтение «Еврейской энциклопедии»;

Мёня с русской женой Таньком;

Броня, про которую ничего не известно.

И, наконец, Киса, которую все презирали, потому что она не работала в «Главсахаре».

Однажды Магарасы зарыли клад в саду на даче. От большевиков. Но со временем забыли, где именно.

Сколько время?

Зяма постоянно спрашивал:

– Сколько время?

– Сто, – отвечал Мёня.

– Тепла или холода? – не унимался Зяма.

– Нечего из жизни делать праздник, – негодовала Гидя, когда ее сын Мёня собирался в кино.

Давид внимательно следил за тем, что делается в коридоре. Если кто-то запирался в туалете, он тотчас выходил и дергал ручку двери.

Когда Павлуша, так и не дождавшись Идиной смерти, умер сам, парализованная Ида попросила провезти гроб под окнами, чтобы убедиться в смерти врага.

Неужели все живы?

Спустя много лет у Алеси состоялся разговор с дядей.

Алеся – А как Магарасы?

Мэня – Отлично.

Алеся – Неужели Ида жива?

Мэня – Нет, Ида давно умерла.

Алеся – А Броня?

Мэня – Броня тоже умерла.

Алеся – А Давид, Мэри?

Мэня – Умерли.

Оказалось, что никого нет в живых.

Старый пердун Моисей

Еще у Алеси был двоюродный дед Моисей, антиквар.

В его единственной комнате было штук восемнадцать часов – с кукушками и без. Спать было невозможно: часы били в разное время.

Однажды Моисей послал моей теще поздравительную открытку на старый Новый год: «Дорогая Сафочка, никакие большевистские указы не могут изменить ход природы».

И подписался: «Твой старый пердун Моисей».

Когда мы собрались эмигрировать в Израиль, он позвал Алесю к себе и сказал:

– У меня кое-что еще сохранилось. Я тебе дам с собой.

Совет

В детстве мою жену Алесю очень любила соседка по коммуналке Таисия Петровна, которую муж называл «моя боевая подруга».

Таисия Петровна спросила Алесю:

– Тебя еврейкой-то дразнят?

– Нет, – ответила она.

– Будут дразнить, скажи «сам еврей», а еще лучше, скажи «жид», – посоветовала боевая подруга.

Полукровка

Однажды Алесин брат Миша, вернувшись от соседей, важно сообщил, что, оказывается, он – полукоровка.

Встав перед зеркалом, Миша делил свое отражение то по вертикали, то по горизонтали, пытаясь определить, где спряталась коровка.

Страшное слово

Миша пришел со двора и поведал Алесе на ухо, что знает страшное слово «ёбать».

Говёновна

Алесин родственник Иосиф жил в Польше.

Семья погибла, когда немцы вошли в город.

Он, маленький мальчик, находился в летнем лагере и спасся.

Не говоря ни слова по-русски, Иосиф скитался, прятался и в конце концов попал в детдом.

Моя теща разыскала его в 60-е годы в Москве.

Когда настало время его приемной дочери получать паспорт, она закатила истерику, что не хочет быть Иосифовной.

Рассерженный отец бегал по дому и восклицал:

– Она не хочет быть Иосифовной! Она Говёновной хочет быть!

Третьего, по мнению Иосифа, было не дано.

Творческое вдохновение

Мне попался в руки журнал «Польша».

Листая, я наткнулся на фотографию голой девушки со спины. Под картинкой стояло название «Весенний акт».

Воодушевившись, я быстро срисовал девушку.

Мне показалось этого явно недостаточно.

Силой творческого вдохновения юный художник-исследователь проник вглубь пространства и в волнении смело взглянул на девушку спереди.

Создав вторую версию «Весеннего акта», я припрятал альбом.

Моя старшая сестра Люся обнаружила криминальный тайник и пригрозила рассказать родителям.

Прелести побледнели, но не исчезли

Собираясь показать работы в художественной школе, я извлек «Весенний акт».

Мастерство второй версии было очевидным. Я был в нерешительности.

Наконец, взяв резинку, скрепя сердце, я стер девушкины прелести, оставив голову.

Прелести побледнели, но не исчезли.

Пришлось пустить в дело ножницы.

У Диды на дне рождения

У Диды на дне рождения я встретил мальчика, Гришу Дорфмана.

Гриша важно сообщил, что ходит в художественную школу. Я загорелся и стал просить взрослых отвести меня туда.

Школа находилась далеко, возле московского Планетария. Родителям было не до того.

Прихватив папку с рисунками

Через пару лет, прихватив папку с рисунками, я тайком от взрослых отправился к Планетарию.

Увидев рисунки, директор школы, бывшая вхутемасовка Наталья Викторовна, улыбнулась и погладила меня по голове.

Я был принят.

Свежесть искусственного винограда

Первый мой преподаватель в художественной школе, старичок Владимир Иванович, был, видимо, поклонником голландской живописи семнадцатого века.

Он ставил нам задачу – передать акварелью поверхность шелковой драпировки в складках, блики на стеклянных бокалах, наполненных подкрашенной водой, служившей вином, свежесть сбрызнутого водой искусственного винограда в фарфоровой вазе.

Преподаватель ушел на пенсию, и появился новый – Гурвич Иосиф Михайлович.

Пришелец лихо прикладывал руку, исправляя мои рисунки и живопись. Когда он отходил, стоило труда восстановить все, как было.

Я хранил верность Владимиру Ивановичу.

Один раз я решил показать Гурвичу, что при желании легко могу сделать, как ему хочется.

Иосиф Михайлович, показав на наиболее удавшийся кусок в новой работе, сказал:

– Дай Бог, чтобы ты всегда так писал.

Я ему поверил.

Что пережили Рина Зеленая и Наталья Викторовна

Обстановка в школе, располагавшейся в красивом старом особняке, была домашняя.

Я ходил в любимчиках.

Когда у меня получался рисунок, Наталья Викторовна в накинутаой на плечи шали подходила и целовала меня в лобик.

Если ей казалось, что я плохо выгляжу, она звонила родителям и просила, чтобы меня получше кормили.

Подруга директрисы – актриса Рина Зеленая с неизменным орденом Ленина на платье – обычно приходила на просмотры работ учащихся.

Однажды я услышал, как, глядя на мои акварели, она сказала:

– Да, все это мы пережили в начале века.

Я терялся в догадках: что именно пережили Рина Зеленая и Наталья Викторовна?

Ненадежная профессия

Мой отец хотел, чтобы я пошел по его стопам, занялся серьезным делом и стал доктором технических наук.

Испытывая пиетет перед искусством, он тем не менее считал, что художник – ненадежная профессия для сына.

Мне же с детства хотелось делать все вопреки ему: я изменил ударение в фамилии с Бруск^ин на Бру^скин, придумал категорически другую подпись.

Терпеть не мог технические науки.

Решив, что дело далеко зашло, отец пришел в школу и попросил Гурвича объяснить мне, что у меня нет способностей заниматься искусством.

Преподаватель отказался.

После уроков

Я учился в восьмом классе художественной школы.

На занятиях нам позировала для портрета высокая девушка со свежим цветом лица лет восемнадцати. Учитель обратил наше внимание, что натурщица очень красива.

Она мне приветливо улыбалась.

После уроков я вызвался проводить ее домой.

На прощание она вдруг по-настоящему поцеловала меня в губы.

Получив первый в жизни поцелуй, взволнованный, я вернулся домой и тотчас побежал в ванную.

До утра я непрерывно чистил зубы и полоскал рот марганцовкой. Мне казалось, что с поцелуем в меня вселились ужасные чужие девушкины микробы.

Я был достойным внуком бабушки-фармацевта.

Гриша, ты слышишь?

Как-то вечером я пришел в гости к матери моей соученицы Галине Григорьевне, давшей мне впервые в жизни почитать Библию.

Стены дома украшали египетские обереги из раскопок и русские иконы. Приглушенно звучала музыка. «Страсти по Матфею» Иоганна Себастьяна Баха.

На столе стоял четырехгранный венецианский фонарик с цветными стеклами и «светил во тьме».

Меня пригласили сесть. Лица сидящих за столом были окрашены каждое в свой цвет – красный, зеленый, синий и желтый.

Хозяйка дома, обложившись древними фолиантами, составляла гороскопы для присутствующих.

Поздно ночью, провожая меня к двери, Галина Григорьевна, смотря через мои глаза в космические дали, медленно и внятно спросила:

– Гриша, ты слышишь?

Я растерялся и молчал. Я абсолютно ничего не слышал, но у меня не поворачивался язык сказать правду.

Подождав минуту и немного расширив зрачки, предсказательница, к моему ужасу, не успокоившись, произнесла:

– Гриша, а ты видишь?

Экспрессивная манера

В художественной школе я дружил с парнем на пару лет старше меня.

Приятель ходил в Строгановское училище на подготовительные курсы делать наброски с обнаженной натуры. Однажды он взял меня с собой.

Я боялся, что меня по малолетству, как в кино «до шестнадцати», не пустят.

Удовлетворенно посмотрев в зеркало на пробивающиеся усы, постарался одеться посолиднее. Прихватил большую папку с нарезанной бумагой и отправился в училище.

Войдя незамеченным в класс, забитый взрослыми легитимными счастливчиками, пробрался в задний ряд и приготовил художественные принадлежности.

В углу стояла ширма. В центре оставалось место с двумя рефлекторами, приготовленными обогреть модель.

Из-за ширмы неожиданно просто вышла абсолютно голая розовая молодая девушка.

Я понял, что пропал и меня вот-вот застукают: кровь, как ртуть у градусника, прилиwała к голове, неотвратимо достигая высшей отметки. Красный как помидор, я в отчаянии загоразивался папкой. Иногда преступно бросая взгляд из-за своего прикрытия на «смутный объект желания», нервно водил ретушным карандашом по бумаге.

Улизнув благополучно в конце сеанса из Строгановки, не помня себя, добрался домой.

На следующий день показал наброски учителю в художественной школе. Преподаватель похвалил рисунки, особенно отметив интересную экспрессивную манеру.

Аферист

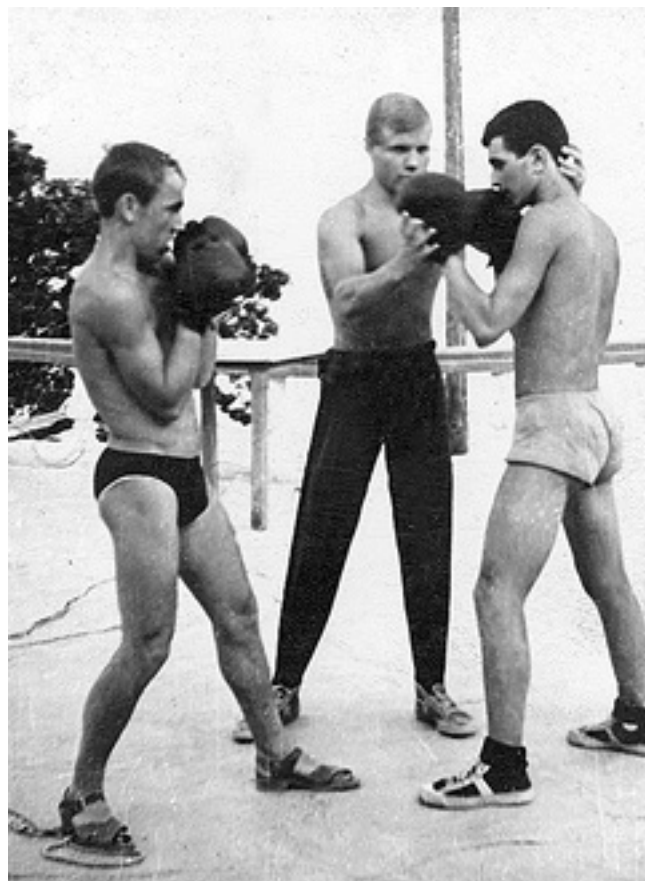
Приятель Володя Карп учился в цирковом училище.

Его мама говорила:

– Ты вчера взял рубль. Сегодня взял рубль. Наверное, повел друзей в ресторан. Не будь таким же аферистом, как твой отец.

Отец-аферист был сапожником.

Будучи не в ладах с русским языком, мама называла цирковое училище «церковным».

Фазанье перо

Когда я учился в восьмом классе, в Москву из Ленинграда приехал мой кузен Саша Нахимовский.

Он был старше и показался мне все знающим и все испытанным в жизни солидным человеком.

Саша выразил желание сходить в какой-нибудь московский ресторан, прихватив с собой девушек.

Не зная, откуда их взять, я дал задание старшей сестре Лере прийти с подругой в качестве таковых.

Готовясь к походу, я в школьном зоологическом кабинете выдернул красивое перо из чучела фазана и вставил его в найденную дома фетровую шляпу. Именно в таком виде, как мне казалось, приличествует идти в ресторан.

Мы направились в кафе с характерным для тех лет названием «Дружба», располагавшееся на Кузнецком Мосту.

Саша только что побывал на настоящем «Западе», в Вильнюсе, и рассказал о классном ресторане «Неринга», где свободно играют отличный джаз.

С тех пор я лелеял мечту побывать в необыкновенном городе.

В то время в «Неринге» играл мой будущий друг Володя Тарасов.

Томик Рильке

Спустя несколько лет, осуществив мечту, я по дороге из Вильнюса в Москву остановился в Ленинграде.

Саша вызвался мне показать, что делают ленинградские художники.

С вечера до утра мы перебирались из одной мастерской в другую. У многих не было телефонов, и мы сваливались как снег на голову. Никто не спал: кто работал, кто выпивал, кто сидел с друзьями, обсуждая проблемы мироздания. Все были нам рады и охотно показывали работы.

На прощание Саша подарил мне только что вышедший томик Райнера Марии Рильке, посоветовав обратить внимание на два превосходных перевода, сделанных Пастернаком.

В одном из стихотворений есть интерпретация библейского сюжета: борьба Иакова с Ангелом.

Позже, благодаря Рильке, в моих работах появился этот мотив.

Сын братьев Васильевых

Главным поставщиком дефицитной и запрещенной литературы был Саша Васильев, сын одного из двух братьев Васильевых, кинорежиссеров, создавших бессмертный образ Чапаева – героя Гражданской войны и популярных анекдотов.

В отличие от своих коллег Саша читал все, что продавал, и был интересным собеседником.

Он пропивал все заработанные деньги, появляясь то в виде шикарно одетого господина, то опустившимся бродягой.

Давать читать книги за плату было одной из форм Сашиного бизнеса. Самыми дорогими были книги, изданные КГБ для внутреннего пользования с грифом «рассылается по специальным спискам».

В студенческие годы я скидывался с приятелями и брал у Васильева за пять рублей почитать Набокова или Джойса.

Дама «из бывших»

Я брал уроки французского языка у горячо любимой мной Лёли, Елизаветы Владимировны Алексеевой, актрисы, дамы «из бывших», внучатой племянницы Станиславского.

Елизавета Владимировна не в состоянии была проговорить на каком-либо языке больше пяти минут, постоянно переходя с русского на французский, с французского – на немецкий и с немецкого – на английский.

Она жила на улице Немировича-Данченко.

Иногда мы ездили в гости к ее родственнице, которая жила в Брюсовском переулке, послушать новую пластинку Жоржа Брассенса или Жака Бреля. Для этого нужно было пересечь улицу Горького, и Елизавета Владимировна пользовалась такси.

Когда мы садились в машину, дама «из бывших» предпочитала говорить с шофером по-французски.

Я каждый раз замирал, ожидая услышать в ответ «спра-

ведливое» хамство со стороны водителя.

У шофера срабатывал какой-то генетический механизм, и он сразу начинал говорить с Елизаветой Владимировной с почтением, как с барыней.

Дзампано

У Елизаветы Владимировны жил величественный высокий человек, носивший на шее шелковый шарфик, – бывший актер Владимир Карлович Фромгольд.

Когда я впервые пришел в дом, она мне сказала:

– Гришенька, вы не подумайте, что это мой любовник. Это мой домработник.

Домработник записывал в толстенькую тетрадку свои мысли об искусстве и любил поболтать со мной на кухне, под абажуром, о теориях Кандинского и Малевича.

Елизавета Владимировна разговаривала с Владимиром Карловичем исключительно по-французски. Владимир Карлович раздражался:

– Лёля, говорите по-русски. Я не понимаю.

Не обращая внимания, она продолжала. В конце концов, возмущенный Карлыч громыхал:

– Лёля, я же вам говорю, что не понимаю!

Счастливая Лёля заключала:

– Видите, Гришенька, я же вам говорила, он – настоящий трагический актер, талант, Дзампано!

Затерянный мир

У Елизаветы Владимировны была дача в Вишняках.

Дачу окружали хрущевские свеженькие новостройки. Подойдя к забору и отворив калитку, посетитель оказывался в затерянном мире. Ничто не говорило о том, что на дворе двадцатый век.

Тропинка к дому шла через старый, запущенный сиреневый сад, куда с трудом пробивались лучи света. В саду стояли скамейки и скульптуры.

Напротив, через дорогу, в конфискованном фамильном доме Алексеевых, располагался важный советский генерал.

Елизавете Владимировне власти великодушно оставили каретный сарай.

Лёля показывала семейные альбомы. С фотографий глядели благородные лица.

Все были расстреляны или погибли в тюрьмах.

Я всю жизнь этого ждала

Позже, живя в Америке, я попал в затерянный мир за океаном.

Затерянный мир помещался на Лонг-Айленде. Хозяйкой его была девяносточетырехлетняя Валентина Александровна, покинувшая Россию молоденькой девушкой во время Гражданской войны.

Дом было не отличить от подмосковных дач. Старушка умудрилась даже построить в саду деревянный сортир с дыркой.

Внутри дома помещалась Россия Валентины Александровны: многочисленные фотографии есаулов и казачьего хора, в котором пел покойный муж, иконы и портреты царя-батюшки.

В комнатах жили дачники, все – русские.

Хозяйка носила шорты и возила квартирантов на железнодорожную станцию и в магазин. Тариф за извоз был довольно – один доллар.

Услышав, что в России пал коммунистический режим, Валентина Александровна прошептала сквозь слезы:

– Я всю жизнь этого ждала.

Билетик парижского метро

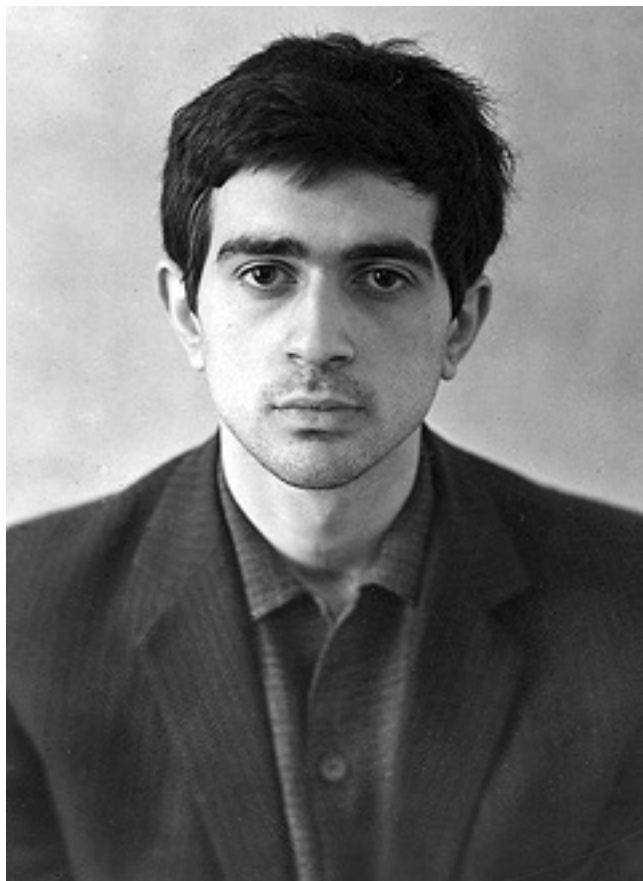
Одно время я занимался французским языком со старичком-французом месье Жиру.

Лет за двадцать до этого старичок, обидевшись на Францию, решил перебраться в Страну Советов.

По-русски он говорить не научился. Круг общения был очерчен франкоговорящими знакомыми. Жил месье Жиру в крохотной квартирке у черта на куличках.

Француз время от времени извлекал из тайников свои ностальгические реликвии и с гордостью раскладывал на столе: билетик парижского метро, французскую почтовую квитанцию, десяток ярких открыток с изображением Монмартра и Лазурного берега.

Наконец, месье Жиру решился поехать на родину навестить сестру. По приезде он с ней поругался и через три дня вернулся обратно.

Вопросы бытия

В юности я жил вместе с родителями.

В своей комнате я устроил мастерскую. Ко мне приходили друзья, и мы ночи напролет обсуждали вопросы бытия, хорошо при этом выпивая.

В конце посиделок я прятал солидное количество пустых бутылок под кровать, оставляя одну на столе.

Утром приходила мама и удивлялась:

– Гриша, вас было семь человек, и вы выпили целую бутылку вина!

Еще минутка...

Моя бабушка была фармацевтом.

Лекарства никогда не выбрасывались. Коллекция хранилась в деревянном кухонном шкафчике.

Когда взрослые уходили на работу, а сестры – в школу, я, оставшись один, извлекал медицинские сокровища из шкафчика.

Особенно меня привлекали глазные капли в пузырьках. На этикетках были изображены череп и кости с интригующей надписью «Яд».

Со мной было, видимо, что-то не в порядке: открывая притертую крышку и запрокинув голову, я вдыхал специфический, ни на что не похожий запах.

Еще минутка – и я в мире ином.

Умру – не умру

Много лет спустя детские забавы аукнулись.

Врач удалил мне зуб и прописал пить гнусный горький хлористый кальций.

В тот вечер я был приглашен на день рождения к моей близкой приятельнице, художнице Наталье Нестеровой.

Не страдая отсутствием аппетита, хорошо закусил, не забыв при этом и выпить.

Вернувшись домой часа в два ночи и вспомнив про пресловутый хлористый кальций, полез в вышеописанный шкафчик. Наполнив столовую ложку и зажав нос, залпом выпил лекарство.

В ту же секунду почувствовал, что свершилось что-то непоправимое. Все клеточки, жилочки и капилляры в теле в одну секунду парализовались.

Взглянув на пузырек, я к своему ужасу обнаружил, что выпил сорокапроцентный формалин, хранившийся в доме на всякий (видимо, на этот) случай с доисторических бабушкиных времен.

В мазохистском оцепенении, вспоминая знакомых со школы заспиртованных лягушек и младенцев с двумя головами из петербургской Кунсткамеры, я просидел несколько секунд.

Умру – не умру?

Жить хочешь – пей

Заставив себя встать, я, слегка ослабевший, пошел в родительскую спальню и разбудил отца.

Напуганный отец быстро оделся, и минут через пятнадцать мы были в Склифосовского.

Врач, узнав в чем дело, прежде всего спросил:

– Ел?

Я подтвердил.

– Выпивал?

Я кивнул (как потом узнал, алкоголь частично разрушает действие формалина).

– Теперь пей, – сказал он, поставив передо мной ведро, наполненное до краев водой.

Выпив полведра, я попросил пощады.

– Жить хочешь – пей, – безучастно произнес эскулап.

Громко стучали зубы

Я оказался в отделении реанимации с пристроенной к руке капельницей.

После экзекуции и от пережитого меня била крупная дрожь. Громко стучали зубы.

Слева лежал человек, который, чтобы «добрать», хватил примусина. Справа старику, выпившему денатурата и закусившему стаканом, делали операцию, извлекая осколки.

Самое страшное зрелище представлял собой почерневший алкоголик, нажравшийся теофоса. Он так и остался там навсегда.

Я выжил.

Пуговицы на ширинке

В институте была военная кафедра, которая спасала от службы в армии.

Преподавал «войну» рябой подполковник, употреблявший характерное слово-паразит «проски» (читай «просто-таки»).

Перед экзаменом он мне сказал:

– Придешь сдавать с бородой – поставлю проски кол.

Мы приобретали профессию военного интенданта.

Перед экзаменом я почерпнул из учебника ценнейшие сведения: оказалось, тесемки на кальсонах у солдата – хлопчатобумажные; у полковника – вязкие, у маршала – шелковые; пуговицы на ширинке, соответственно: пластмассовые, костяные и перламутровые.

Брежнев с какого года?

В студенческие годы в Казахстане, в кишлаке, я встретил старого чабана с выразительным лицом по имени Абдэ и предложил написать его портрет.

Мы договорились.

Чабан явился в соломенной шляпе и с орденом Ленина на груди.

Во время сеанса человек сорок внимательно следили за моей рукой: похож – не похож?

Посмотрев на портрет, Абдэ сказал:

– Убери морщины с лица.

Я возразил, объяснив, что портрет потеряет сходство.

– Ты в конторе был? – поинтересовался чабан.

Услышав утвердительный ответ, он сказал:

– Брежнев-Косыгин видел? Так вот. Брежнев с какого года? Косыгин с какого? А морщины – ни одной.

Если у вас падет верблюд

Продолжая путешествие, я оказался в поселке Кульсары.

В гостинице мне бросилось в глаза объявление:

«Граждане! Чума – опасное заболевание...»

Зайдя в столовую, я увидел второе:

«Если у вас падет верблюд без видимой причины...»

Насторожившись, я поинтересовался, почему народ предупреждают о средневековой болезни.

Оказалось, только что кончился чумной карантин.

Горсть мелочи

В гостинице взволнованная дежурная, подбежав ко мне, сообщила, что летающий скорпион-медведка мечется в помещении, угрожая всех насмерть перекусать.

Соседом по комнате оказался «злой чечен», который, «наточив кинжал», убил из кровной мести земляка.

Я решил, что мне пора. Собрал манатки. Сел в автобус.

Вслед за мной зашел человек. Засунув руку в шамкающий рот, он извлек горсть мелочи и заплатил за проезд.

Я пулей вылетел на улицу.

Тайник

Я сидел в чайхане, в тени чинар, в городе Ургуте в Узбекистане и пил зеленый чай в ожидании плова.

Вокруг были горы. Рядом шумела быстрая река. Над чайханой сиял лозунг «Пусть живет в веках имя Владимира Ильича».

Я разговорился с соседом по столу. Собеседник, Абдуразак Турсунович, узнав, что я из «самой Москвы», не дал мне заплатить за еду и пригласил зайти к нему на работу, в райком партии. Из любопытства я согласился.

В кабинете, рядом с креслом Абдуразака Турсуновича, возвышался гипсовый бюст Ленина.

Ни слова не говоря, гостеприимный хозяин ловко приподнял полый бюст и извлек из тайника бутылку «Столичной».

Выпив водки, я неосторожно оставил свой московский телефон.

Сверкнув золотыми зубами

Вскоре в моей квартире раздался звонок.

Абдуразак сообщил, что находится в столице с двумя товарищами – проездом в Болгарию – и хотел бы подарить мне дыню.

Я пригласил гостей в ресторан «Метрополь».

«Товарищами» оказались две узбечки, одетые для заграницы в приличное джерси, из-под которого выглядывали пестрые национальные штаны. Обеих звали Гульсара.

Сверкнув золотыми зубами, девушки улыбнулись и принялись за еду.

После супа одна Гульсара заснула, другая включила оказавшийся при ней радиоприемник «Спидола».

Смерть товарищей

Спустя десять дней, на обратном пути, Абдуразак Турсунович появился у меня дома.

– А где товарищи? – поинтересовался я.

– Они для меня умерли, – отрезал партработник.

Оказалось, «товарищи» дрогнули за границей и загнали «Спидолу».

Инструмент для шашлыка

Директор местной школы в Ургуте повез меня к себе в гости.

По дороге он спросил:

– Ты почему такой худой? Ты бедный или больной?

Пастух перегонял стадо через дорогу. Показав пальцем на отставшего барана, учитель констатировал:

– Инструмент для шашлыка.

На коврах

Приехали в дом.

Женщины внесли в комнату обильную еду и выпивку.

Мужчины возлежали на коврах среди подушек.

Подняли тост за нерушимую дружбу между русскими и узбеками. Компания пила «горькую» стакан за стаканом.

Мертвецки нажравшись, завалились спать на тех же коврах.

Ведмино зелье

Наутро директор школы, подмигнув, сообщил, что в сарае выращивает опиумный мак и коноплю. И что сейчас наступил момент отведавать от «плодов сих».

Он бросил в прозрачный зеленый чай кусочки вещества, похожего на вар. Жидкость мгновенно окрасилась в густой черный цвет, превратившись в ведмино зелье.

Мир невиданных красок

Колдовской эликсир подействовал. Вскоре хозяин и гости явно отправились в мир грез.

Я, в свою очередь, приготовился последовать за ними.

Ничего не произошло. Путешествие не состоялось. Разочарованный, я направился к автобусной станции.

На полпути

На полпути мне стало худо.

Я потерял сознание. Очнулся в придорожной канаве.
Этим все и закончилось.

Школьный пастырь так и не открыл мне волшебный опумно-конопляный мир.

В Москву хочу

Закончив узбекский вояж, я ехал в аэропорт.

Моими попутчицами были две симпатичные москвички.

Попросив по дороге остановить машину, одна из них вышла за газированной водой.

Шофер обратился к оставшейся девушке:

– Ты откуда, сестра?

– Из Москвы.

– Из самой Москвы?

– Да.

– Замужем?

– Да.

– Дети есть?

– Есть.

– Подруга твоя тоже из Москвы?

– Да.

– Замужем?

– Замужем.

– Дети есть?

– Есть.

– В Москву хочу! – прищелкнув языком, мечтательно подвел итог водитель.

Совершенству нет предела

В 23 года, представив школярские работы, я вступил в Союз художников.

Мне предложили поехать с творческой группой на Север.

В составе группы была миловидная девушка Таня Г., живописавшая крепкой академической рукой северную красоту. Ее сопровождал ухажер, высокий немолодой журналист по фамилии Файнштейн.

Куда бы мы ни приезжали, в местных газетах появлялись статьи, подписанные неким Дымовым, начинавшиеся примерно так:

«Свежее утро. Тишина. Легкий ветерок встрепенул рябью зеркало озера. Чайка взмахнула крылом. Вдали эхом прозвучал гудок парохода.

Какая красота! Сюда бы художника, да настоящего!

И вот они явились – кудесники и волшебники...»

В конце очерка следовало:

«Вернувшись с этюдов, неутомимая и всегда неудовлетворенная собой, Таня Г. еще долго ворожила и колдовала над работами. Ведь так хочется создать шедевр. Поистине, совершенству нет предела».

Как цыгану живется на Святой Руси

Один раз автобус повез художников на экскурсию.

По дороге за окном появился цыганский шатер, раскинутый в поле.

Перед шатром стоял сундук с дымящимся самоваром. Смуглый цыган со смоляными волосами и бородой сидел и пил чай. Рядом лежала гитара.

Из-за мужа выглядывала красивая голубоглазая цыганка. Две проворные дочки суетились по хозяйству. Конь, собака и кошка дополняли компанию.

Вообразив себя Алеко, я попросил шофера остановиться и вышел. Увидев меня, цыгане стали махать руками, приглашая к ним присоединиться, что я и сделал.

Радужный хозяин угостил водкой. Рассказал, что они здесь отдыхают и «дерут корье» на продажу. Я, с бородой и длинными волосами, сам смахивал на цыгана, что подтвердили мои новые друзья.

Прикончив бутылку, мы отправились за второй в деревню.

Когда «два цыгана» оказались в деревушке, местные мальчишки стали в нас кидать камнями. Проклятия, ругательства и оскорбления посыпались на наши головы со всех дворов.

Едва живые, мы добрались до продуктовой лавки.

Я понял, что цыгану нелегко живется на Святой Руси.

Странные люди

Я отдыхал с друзьями на Украине.

Вечером приехал в маленькое местечко Овруч.

В сумерках заметил странных, допотопно одетых людей.

Собравшись в кружок, они беседовали друг с другом.

Мне показалось, что я их знаю.

Присмотревшись, я вдруг сообразил, что все они евреи.

Каким-то чудом не убитые немцами.

Я подумал: «Может быть, у них сохранились старые книги».

Тебе этого не понять

Через пару дней я снова оказался в Овруче.

Зашел в тесный затхлый обувной магазинчик. На полках громоздились блестящие черные калоши на красной подкладке.

За прилавком стоял пожилой еврей в кепке и болтал с украинской крестьянкой.

Поздоровавшись, я спросил, не продаст ли он Талмуд. Продавец, решив, что меня подослали, выпрямился и громко сказал:

– Я воевал на войне и награжден орденом Красной Звезды.

Из чего, вероятно, следовало, что Талмуда у него нет.

Крестьянка в недоумении поинтересовалась, о чем идет речь.

– А! Тебе этого не понять! – с сильным еврейским акцентом воскликнул ветеран.

Стихи нового знакомого

В 65-м году я познакомился с художником Мишей Однораловым.

Новый приятель, придя ко мне в студию, сказал:

– Я только что сочинил стихи. Давай, почитаю.

И прочел стихи Мандельштама, которые я знал наизусть.

Не лезь в наше русское искусство

Как-то Миша написал натюрморт с иконами.

На пьяной вечеринке к нему подошла художница Ксюша Нечитайло и, будучи по-казацки прямым человеком, высказала правду-матку:

– Не лезь, Миша, в наше русское искусство. Вот Гриша не лезет и молодец.

Я понял, что левый МОСХ меня уважает.

Офицер израильской армии

В Америке Миша обрел счастье с симпатичным офицером израильской армии по имени Хая.

В какой-то момент Хая стала поправляться. Сев на диету, она похудела, потом снова стала набирать вес. Ничего не помогало.

Как-то на улице Хая встретила старого друга-израильянина и пожаловалась.

– Хая, – сказал он, – ты сошла с ума, ты же просто беременна.

Врач установил шестой месяц.

Офицер Хая подарила Мише на старости лет очаровательного сына Андрюшу.

Георгий Победоносец

Путешествуя по Русскому Северу с приятелем, мы отыскали чудную старушку с густо усыпанным веснушками лицом.

Она коротала свою жизнь в заброшенной людьми и Богом деревне, окруженной всамделишными тайгой и волками.

В избе у бабушки, в красном углу, висел портрет Ворошилова на белом коне, вырванный из журнала «Огонек».

Старушка крестилась и кланялась Ворошилову, думая, что это Георгий-Победоносец.

Мужские причиндалы

Первой ее забавой была игра с рыжим котом.

Подкравшись с ведром, наполненным водой, бабушка с восторгом выплескивала содержимое на голову бедному животному.

Второй – лепка из глины замечательных игрушек, среди которых любимым был Полкан (полуконь).

Во время лепки ваятельница начинала вдруг краснеть и загадочно хихикать. Затем, отвернувшись, ловко приспособливала мифологическому персонажу мужские причиндалы.

Черт с хвостом и рогами

Мы прожили у старушки и кота несколько дней, помогая по хозяйству, как могли, и снабжая продуктами. Бабка в нас души не чаяла.

На прощание она сказала мне:

– Хорошо, Григорий Иванович, что вы к нам пожаловали, а не яврей какой.

Евреи представлялись из бабушкиного далека чертями с хвостами и рогами.

Человек в шляпе

В 1973 году, воспользовавшись привилегией члена Союза художников, я поехал на творческую дачу в Гурзуф.

Руководителем группы был мой хороший приятель Леша Соколов. Среди прочих в группе работал популярный в то время художник Витя Попков.

Однажды, прогуливаясь в центре курортного городка, я зашел в кафе «Ветерок». В «Ветерке» сидел Витя и выпивал.

Переживая наболевшее и желая поделиться, он пригласил меня за столик.

Мы обсудили Витину жизнь заодно с мировыми проблемами и, хорошо нагрузившись, вышли на свежий воздух.

Попкову захотелось по-маленькому, что он и совершил в сторонке.

Подошел человек в шляпе и попросил не безобразничать в общественном месте. Витя его отшил.

Забыв об общественнике, мы направились домой. Общественник не забыл нас.

И стукнул.

Смирительная рубашка

Неожиданно нам преградил путь милицейский джип.

Оттуда вывалились четыре молодца и начали нас вязать.

Посопротивлявшись, мы сдались.

В отделении милиции Витя сообщил ментам, что история им не простит ареста двух гениев и что если бы сейчас бушевала Вьетнамская война, то не они, а мы добровольцами вместе с героическим вьетнамским народом и с оружием в руках воевали бы против американского агрессора.

На Попкова надели смирительную рубашку, и нас повезли в ялтинский вытрезвитель.

В знак протеста

В вытрезвителе нас раздели до трусов, отобрали документы, и мы предстали перед суровой медицинской комиссией.

Поколебавшись между наркотиками и выпивкой, комиссия вынесла вердикт: тяжелое алкогольное опьянение.

Не согласившись с мнением форума и в знак протеста, Витя, сорвав с себя трусы, бросил их в лица обидчиков.

Нас затолкнули в камеру, плотно закрыв за спиной металлическую дверь. Оглядевшись, мы увидели до краев наполненную парашу, решетки на окнах и ряд коек, покрытых клеенкой и для надежности привинченных к полу. На одной койке валялся полуживой человек.

Разбуженный алкоголик сообщил нам, что не помнит, давно ли он здесь, и не ведает, когда выйдет.

Наутро нам выдали одежду, предварительно заставив вынести омерзительную парашу.

Сказав, что документы мы получим в отделении милиции в понедельник, отпустили с Богом.

Оказавшись на свободе и сев в такси, мы в отличном настроении покатали по весеннему цветущему Крыму домой в Гурзуф.

Прозорливо сделав обрезание

Прибыв в Гурзуф, Попков почувствовал небывалое творческое вдохновение.

Он тотчас принялся за дело. Соорудил подрамник, натянул холст размером 3 × 2 метра.

Продолжая беспробудно пить, Витя не покладая рук писал картину на тему «Художники в вытрезвителе», время от времени безуспешно пытаясь призвать меня на помощь.

В воскресенье к концу дня шедевр был готов.

На картине предстали два артиста – Прометея в момент вытрезвительского осмотра.

Себе Витя не забыл вернуть трусы, меня же их лишил, прозорливо сделав обрезание.

Товарищ начальник, будьте гуманны!

В понедельник с утра мы направились в отделение милиции за паспортами.

Начальник сообщил, что на нас заводится уголовное дело по части второй (особо отягчающие обстоятельства) статьи Уголовного кодекса за оскорбление и оказание сопротивления правоохранительным органам и что из отделения мы должны проследовать напрямиком в суд.

Вскоре нас под конвоем милиционера через весь город повели в здание суда. Путь лежал мимо кафе «Ветерок».

Поравнявшись с пивнушкой и желая «отметиться», Витя обратился к конвоиру:

– Товарищ начальник, будьте гуманны. В горле пересохло. Позвольте выпить стакан воды.

Милиционер разрешил, и Витя мгновенно исчез в «Ветерке».

Придя в ужас и быстренько отпросившись у мента, я погнался за Витей в кафе.

Было поздно: прикончив стакан водки, Попков уже закусывал соленым огурчиком.

Приговор

Судья нам вынес на редкость мягкий приговор: денежный штраф, высылка с Южного берега Крыма и сообщение по месту работы (Союз художников) с приложением материалов и карикатуры, изображающей художников-алкоголиков в зеленой водочной бутылке.

Оказалось, что судья был хорошим приятелем нашего руководителя Леша Соколова. Леша перед судом самоотверженно с ним выпивал, уговаривая не передавать дело из гражданского суда в уголовный.

Судья по дружбе согласился, потребовав в подтверждение оной ящик коньяка.

Мы были спасены.

Выстрел в упор

Вскоре в Москве на улице Горького в девять часов вечера Витя пытался остановить такси, желая добраться до дома.

Ему попала инкассаторская машина. Пьяный инкассатор открыл стекло автомобиля и, приставив пистолет к Витиному горлу, выстрелил в упор, убив художника наповал.

Об этом тоже следует подумать

Первые работы, которые я считаю «своими», я начал делать в конце 60-х годов, сразу после окончания института.

К 1975 году у меня скопилось достаточное количество картин, чтобы сделать выставку.

Выставку организовали на один вечер в рамках Клуба живописцев в Доме художника на Кузнецком мосту. Инициатором мероприятия был член совета Клуба, мой друг – молодой художник Жора Сатель.

Экспозиция предназначалась для профессиональных работников искусства. Вход был по пригласительным билетам, которые рассылались по специальному списку, утвержденному советом Клуба.

Ответственной назначили пожилую художницу-коммунистку Любовь Семеновну Рабинович.

Я написал фамилии людей, которых хотел бы видеть в зале.

Накануне вечера Рабинович, одетая по моде военного времени 20-х годов, с полевой сумкой на ремне, вручила мне утвержденный список гостей.

К своему изумлению, я увидел, что все еврейские фамилии аккуратно вычеркнуты из состава приглашенных Любимой рукой.

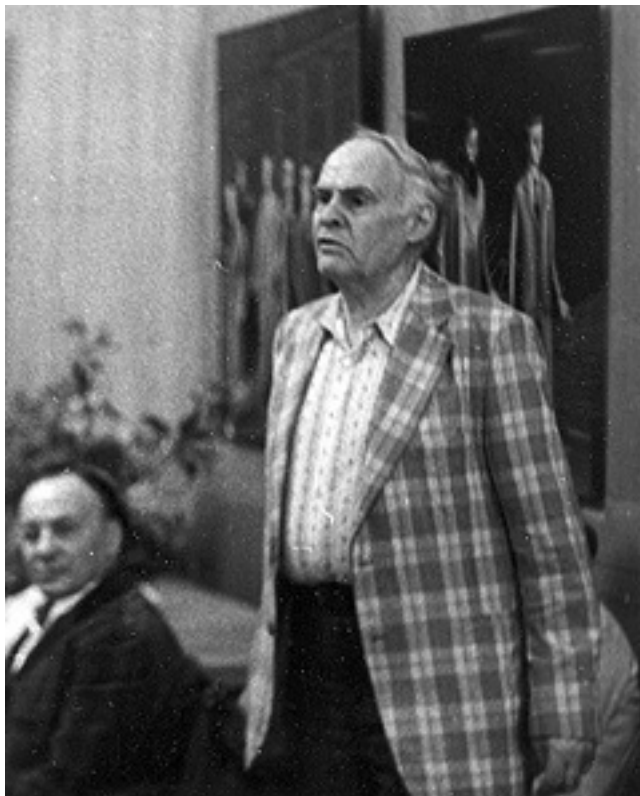
Пытаясь понять, что это означает, я обратился к ней за

разъяснениями.

Любовь Семеновна, приблизившись, посмотрела мне прямо в глаза, как бы заглядывая в недалекое светлое будущее, и громким шепотом, призывая меня в сообщники, сказала:
– Нам с Вами, Гриша, об этом также следует подумать.

За... твою мать

Выставка должна была быть утверждена партийными органами.

Органы в течение дня несколько раз ее запрещали и разрешали. Наконец, в четыре часа под натиском Жоры Сателя партийцы сдались и разрешили.

Жора мне потом рассказывал, что, придя домой, чтобы поесть и переодеться перед вернисажем, он прежде всего налил себе рюмку водки.

Будучи в приподнятых чувствах и находясь один в комнате, он захотел произнести тост. Неожиданно для себя он сказал:

– За меня. За Гришу. За... твою мать!

Мастер – золотые руки

В 70-х в помещении Московского отделения Союза художников на Беговой я встретил художника Виталия Комара с картиной под мышкой.

– Хочу вступить в Союз художников, – сообщил Виталий – Специально для этого по-ехал на завод «Серп и Молот» написать портрет старого рабочего Иванова. Картину назвал «Мастер – золотые руки». Но почему-то меня только что завернули. Не понимаю, в чем дело. Может, посмотришь?

Комар показал тщательно, реалистически выписанный портрет отмеченного честной трудовой жизнью человека.

Руки рабочего были аккуратно покрашены густой золотой краской.

Жены приходят и уходят

У меня был друг – Михаил Семенович Мацковский, крупный специалист по браку и семье в московском Институте социологии.

Личная жизнь специалиста категорически не удавалась: одни нерадивые жены сменяли других.

Изучив ситуацию, социолог пришел к научному выводу: жены приходят и уходят, а друзья остаются.

Браку – нет! Жизни степного волка – да!

Мацковский отмечал день рождения.

Я как раз развелся со своей первой женой и пребывал в связи с этим в состоянии небесной эйфории, наслаждаясь холостяцкой жизнью.

Сказав браку – «нет» и жизни степного волка – «да», я явился к другу.

Мне сразу бросилась в глаза стройная, красивая девушка – моя будущая жена Алеся.

На языке Стендаля

Не первый месяц празднуя желанную свободу, я здорово нализался.

Узнав от очередной хозяйки дома, что интересующая меня незнакомка знает французский язык, я решил нагло поухаживать за ней на языке Стендаля.

Имея отца художника-пьяницу, Алеся, в свою очередь, не испытывала никакого желания заводить знакомства как среди художников, так и среди пьяниц. В конце вечера тем не менее я заполучил заветный номер телефона.

Михаил Семенович попросил после его смерти выгравировать на могильном камне эпитафию:

«Здесь покойся человек, познакомивший Гришу с Алесей».

Удивительное сочетание красного с золотым

Алесин отец, Юрий Георгиевич, иллюстрировал книги.

Будучи учеником Исаака Бродского, художник работал в реалистической манере.

Всех положительных героев он изображал блондинами с голубыми глазами, отрицательных – брюнетами с тоненькими усиками в клетчатых пиджаках.

Свое время Алесин отец делил между работой и выпивкой.

Однажды спьяну Юрий Георгиевич сел в автобус и укатил в Калининскую область.

Оттуда моя теща получила телеграмму:

«Дорогая Сафочка! Здесь удивительное сочетание красного с золотым. Иллюстрирую Стругацких (именно так в оригинале). Срочно вышли три-пять рублей».

Неправдоподобная история

Тестя вызвали в партийные органы.

Референт сообщил, что партия приняла мудрое решение выпустить краткий курс истории Ком-мунистической партии для юношества, и предложил художнику проиллюстрировать издание.

Юрий Георгиевич люто ненавидел советскую власть.

Подыскивая благовидный предлог для отказа, он сказал:

– Я всю жизнь иллюстрирую научную фантастику – Казанцева, братьев Стругацких...

– Вам и карты в руки, – живо подхватил референт.

Кофе и чай

От моей тещи Сафо Владимировны я узнал, что с приятельницами пьют кофе, а с подругами – чай.

Ася Федоровна и ее неограниченные возможности

Юрий Георгиевич дружил с эстрадным конференсье по имени Глебочка.

Приходя в дом, конференсье по привычке приветствовал всех:

– Добрый вечер, здрасьте!

Жена Глебочки, Ася Федоровна, была большим человеком – режиссером в Росконцерте. Знаменитости советской эстрады приходили к ней на поклон.

Глебочка говорил:

– Ася Федоровна и ее окружности. Ася Федоровна и ее окрестности. Ася Федоровна и ее неограниченные возможности.

«Ее неограниченные возможности», формируя эстрадные концерты, в дни зарплаты посылала Глебочку в дальние уголки необъятной родины, боясь, что сильно поддающий муж пропьет семейные деньги.

Чиполлино – старая больная женщина

Подхалтуривая на детских новогодних елках, Глебочка, переодевшись стариком Хоттабычем, взял пятилетнюю Алеся на спектакль.

В антракте Хоттабыч повел девочку за кулисы.

Разинув рот, в восторге Алеся взирала на раскрывшиеся перед ее взором театральные тайны.

Когда прозвенел звонок к началу второго действия, помощник режиссера прокричал:

– Буратино, на сцену!

На что Буратино – молоденькая актриса – сказала:

– Вечно мной затыкают все дырки. Сейчас выход Чиполлино.

Режиссер укорил Буратино:

– Как тебе не стыдно! Чиполлино – старая больная женщина. Ей только что сделали укол.

Женщина должна оставаться тайной

Увидев, что Алеся куда-то собирается, Ася Федоровна спросила:

- Деточка, ты куда?
- Еду с одноклассниками на пляж.
- А что, мальчики тоже будут?
- Да, будут.
- Деточка, это невозможно, – воскликнула Ася Федоровна. – Ведь на пляже раздеваются! А женщина должна оставаться тайной.

Сама Ася Федоровна, желая оставаться тайной для своего мужа Глебочки, переодевалась в общем коридоре коммуналки.

Проклятье

Первой женой Глебочки была провинциальная певица Люба.

В расцвете сил Люба заболела и скоропостижно скончалась.

Перед смертью, в состоянии тяжелой депрессии умирающая совершила ужасный поступок: прокляла мужа и десятилетнюю дочь Юлю.

Дальнейшие события таковы: Юля, голубоглазая девушка с льняными волосами, возвращалась пешком домой с выпускных экзаменов.

На улице произошла авария. Столкнулись две машины. Из одной вылетел карбюратор и ударил девушку по ногам. Она упала. Сломала позвоночник и через неделю умерла.

Глебочка был безутешен.

Однажды его новая жена, Ася Федоровна, варила косметический крем. На ней был нейлоновый халат. Халат воспламенился. Ася Федоровна сгорела заживо.

Вдовец с горя сильно запил.

Вновь женился. Родил сына Сашку.

Через пару лет Глебочка неожиданно повесился.

Мамусь?!

Университетская подруга моей тещи Серафима Моисеевна была инвалидом и жила одиноко, пока не приютила сироту Валентина.

Благодарный Валентин привязался к Серафиме Моисеевне и называл «мамусей».

Паренек, бывало, спрашивал:

– Мамусь?! А, мамусь?! Когда евреев-то начнем бить, тогда, мамусь, и тебя будем бить?

Птичка моя, как ты вырос!

Родственница Адуля пользовалась ненормативным русским.

Домой ее не приглашали, оберегая уши интеллигентного сына Темы. Когда Теме исполнилось десять лет, теща решилась наконец позвать Адулю на праздничный обед.

Увидев именинника, гостя с порога в восторге закричала:
– Птичка... твою мать! Как ты вырос! У тебя баба-то уже есть?

Берем сбербанк

Художник Володя Янкилевский выбросил на помойку не пригодившийся для ассамбляжа поломанный автомат.

Его сосед по дому, мой приятель Игорь Козлов, прогуливаясь с собакой, нашел и подобрал его.

Дома у Игоря в это время жил, уйдя в очередной раз от очередной жены, наш общий друг Миша Мацковский.

Придя домой и притащив с собой находку, Игорь стал валять дурака:

– Так, Миш, вот автомат. Берем банк, телеграф, почту, радиостанцию. Ты меня прикрываешь и т. д.

Может быть, в последний раз

На следующее утро свеженький Михаил Семенович пришел на работу.

Его тотчас попросили зайти в первый отдел.

Там Мишу ожидал человек с квадратным лицом, вежливо попросивший проследовать к черной «Волге» и в сопровождении «товарищей» отправиться на Петровку, 38.

Не понимая, за что, мой друг с грустью, может быть, в последний раз наблюдал за окном весенний пейзаж с величественными очертаниями Московского университета.

Когда машина проезжала мимо Красной площади, у него даже мелькнула мысль: «В мавзолее Ленина так и не удалось побывать».

Среди уголовных рож

Когда прибыли в дом на Петровке, Миша услышал прежде всего голос дежурного, рапортовавшего по внутреннему телефону:

– Привезли Мацковского.

Следователь в кабинете, поговорив для блезира на общие темы, выложил на стол веер фотографий.

Со снимков на Михаила Семеновича взирали монстры всех мастей. Вдруг среди уголовных рож наш герой заметил фотографию своего лучшего друга Игоря Козлова.

С Игорем проделывали в это время то же самое в соседнем кабинете.

Игорь Козлов был женат на англичанке. Телефон «пасли».

Подслушав криминальный план, оперативники по наводке КГБ приняли срочные меры.

Как это прекрасно!

У нас был приятель Жан-Мишель, симпатичный француз, математик. Придерживаясь крайне левых взглядов, он видел в СССР только хорошее.

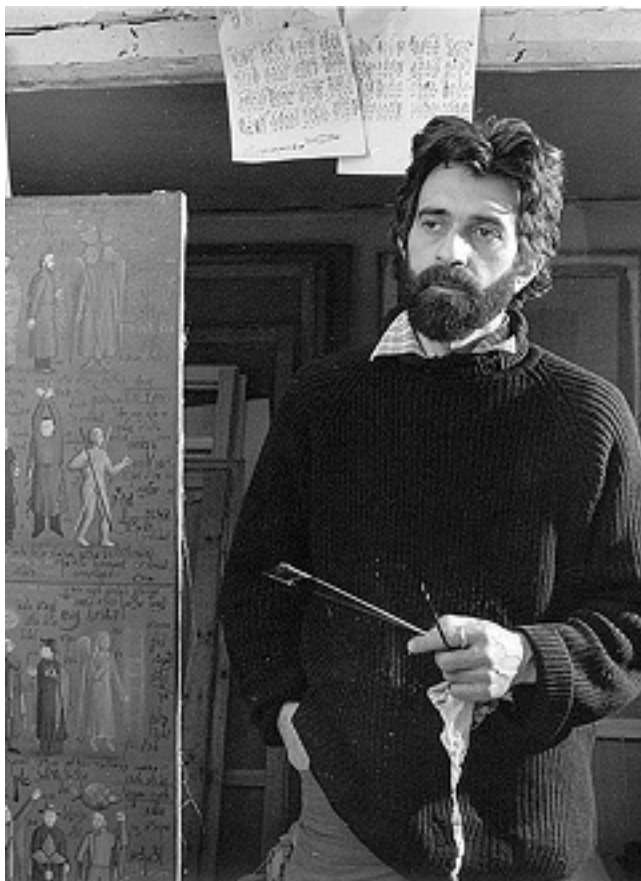
Парень приходил в восторг, когда в ресторане официант не обслуживал его в течение часа, а, подойдя, хамил.

– Как это прекрасно! – говорил француз, – люди не боятся потерять работу в этой стране.

Волнующий политический митинг

Однажды, приехав в очередной раз в Россию, приятель остановился у Алесиного брата, в квартире этажом ниже нашей.

В шесть утра раздался стук в дверь.

Открыв, мы увидели взволнованного Жан-Мишеля.

– Вы тут спите и врете, что в стране нет свободы и демократии. А я всю ночь наблюдал в окно политический митинг.

Люди жгли костры, кричали что-то в мегафон. Было полно милиции!

В доме, где мы жили, находился большой универмаг. Волнующим политическим митингом была очередь за коврами. Люди записывали номера на руках, а затем выкрикивали их в мегафон.

Действительно, жгли костры. Была милиция.

Кусок винограда

Жан-Мишель плохо понимал по-русски.

Как-то раз он сидел у нас дома и смотрел телевизор. Выступал Брежнев. Мы были на кухне.

Вдруг появился Жан-Мишель и в недоумении сообщил, что Генсек в своей речи заикнулся на «куске винограда».

Куском винограда оказалась «высокая награда» – Золотая Звезда героя Советского Союза, которую Брежнев вручал советскому космонавту.

Любовь русской девушки

Кончилось тем, что Жан-Мишель поверил в горячую любовь русской девушки и женился.

После совместной борьбы за ее выезд на Запад молодые люди наконец благополучно встретились в аэропорту Руасси.

Девушка пожелала взять отдельное такси.

С тех пор Жан-Мишель ее никогда не видел.

Спор народов

В городе Бресте я зашел в привокзальный сортир.

И провел внутри по крайней мере пару часов, с увлечением изучая оставленные там надписи.

Евреи-эмигранты, навсегда покидая страну, формулировали на стенах укромного места кое-какие мысли о русских и России.

Коренное население давало тут же отпор, изливая все, что накипело на душе. Следующие эмигранты комментировали тексты, провоцируя продолжение диалога. И так далее.

Наконец кто-то, обмакнув кисть в ведро с зеленой краской, размашисто написал поверх всего аршинными буквами: «Жидяра хуева», – как бы подводя итог спору двух великих народов.

Ударили по рукам

Мой друг Эдик Лозанский в 1977 году решил покинуть пределы Отечества и переселиться в Америку.

Его тесть был в то время главнокомандующим Киевского военного округа. Под его водительством советские полки в 68-м году вошли в Прагу.

Тесть попросил Эдика развестись, подождать пару месяцев, пока он получит повышение и очередную новенькую звезду. После чего жена Эдика, Таня, по военному плану беспрепятственно соединится с мужем.

Ударили по рукам. Эдик эмигрировал. Генерал действительно повысился до главнокомандующего гражданской обороны СССР и, поглаживая свежие погоны, переселился в Москву.

Вызвав Таню, отец сказал, что он ее никогда не выпустит, чтобы она забыла мужа, и что у него есть на примете симпатичный молодой майор. Таня, истинная дочь генерала, категорически сказала «нет» и, проявив свой железный характер, начала борьбу за воссоединение семьи.

Скрытый и опасный враг

Я, чувствуя ответственность перед другом и сочувствуя Тане, старался помочь и морально поддержать ее по мере сил и возможностей.

Как-то Таня пришла ко мне в студию и рассказала, что папа в беседе проявил необыкновенную осведомленность о всех ее друзьях. Он сообщил, что самым вредным из друзей является художник, у которого мастерская на площади Маяковского.

– Это скрытый и опасный враг, – заключил он. – Мы до него скоро доберемся.

Ближайшим другом отца-полководца был тогдашний шеф КГБ Федорчук.

Я постарался на пару месяцев исчезнуть из города.

Еду в Мадрид братъ за ж... Долорес Ибаррури

Эдик, оказавшись на Западе, организовал борьбу за освобождение жены.

Однажды в моей квартире раздался звонок. Сняв трубку, я услышал голос хорошо, по всей видимости, поддавшего друга.

– Гришутка, – сказал он, – еду в Мадрид братъ за жопу Долорес Ибаррури. Передай генералу, что я не перестану гадить вашей стране до тех пор, пока он не выпустит Татьяну.

Я хранил гробовое молчание.

На следующий день телефон перестал подавать признаки жизни.

Антисоветское отродье

Мы жили в то время вместе с Алесиным отцом.

Инвалид на костылях, с одной ногой, мой тесть осуществлял контакты с внешним миром, включая издательства, исключительно посредством телефона.

Позвонив от соседей в районный телефонный узел и не получив вразумительного ответа, он на всякий случай проклял в очередной раз советскую власть, у которой ничего не работает.

Мы с женой отправились к начальнику московского телефонного узла качать права.

Войдя в кабинет, мы поинтересовались у телефонного босса, что случилось с нашим аппаратом, не забыв упомянуть отца-инвалида, участника Великой Отечественной войны.

Справившись с удивлением, что у антисоветского отродья бывают отцы, он сообщил:

– Телефон отключен. На шесть месяцев. В соответствии с законом, предусматривающим применение подобной меры за ведение телефонных разговоров, носящих антисоветский или антиобщественный характер.

Например, вы толкнули кого-нибудь на улице

– Вы что, незаконно подслушиваете телефонные разговоры граждан? – спросили мы.

– Ничего подобного, – парировал начальник. – О характере телефонных разговоров можно судить по социальному поведению человека. Например, вы толкнули кого-нибудь на улице или вышли отсюда и встретились с иностранными журналистами, чтобы рассказать о содержании нашей беседы. Учтите, это всего лишь превентивная мера.

Ровно через шесть месяцев к нам пришел мастер с телефонной станции и сказал:

– Народ жалуется, что не может к вам дозвониться.

Развинтил аппарат, для вида подергал какие-то провода, и телефон зазвонил.

Жена врага СССР

Отчаявшись после нескольких лет борьбы и угроз КГБ вроде: «Татьяна Ивановна, мы вас отпустим лишь тогда, когда вы состаритесь и никому не будете нужны», Таня решилась на бессрочную голодовку.

Смерть или свобода!

Имея опыт длительного голодания, я старался помочь советом и подбросить соответствующую литературу.

На 25-й день Татьяне стало худо. Нужно было найти врача. Мой приятель, диссидент Володя Тольц, посоветовал Елену Боннэр, врача по образованию. В квартире Елену Боннэр встретила пришедшая навестить захворавшую дочь обеспокоенная Танина мама, Маргарита Ивановна. Милая, знающая врач очень понравилась ей.

Генеральша не могла предположить, что перед ней жена внутреннего врага СССР номер один.

Боевое сердце генерала

На 33-й день генералу доложили, что в результате пропагандистского антисоветского трюка, организованного враждебными силами, он может лишиться дочери.

Боевое сердце генерала-отца дрогнуло.

Он послал своего проверенного доктора, по всей видимости члена КПСС, который подтвердил, что чадо вот-вот умрет.

Пожертвовав своим продвижением по службе, покоритель Праги совершил гуманный поступок и отпустил Таню с ребенком к мужу.

Когда в России наступили новые времена, генерал организовал совместное коммерческое предприятие с фирмой «Кольт». Он также ездил в Прагу торжественно просить прощения у Дубчека. «Би-би-си» снимало трогательную сцену.

Генерал получил гонорар.

«Они»

Оказавшись в Америке, я приехал в Вашингтон и остановился у Тани с Эдиком.

В это время у них гостила Маргарита Ивановна.

Она поинтересовалась, получил ли я деньги от продажи картин на московском аукционе Sotheby's. Услышав отрицательный ответ, генеральша возмутилась:

– Как! «Они» вам не заплатили? Вы должны с «ними» бороться! Вы должны подать на «них» в суд!

Я оторопел. Для меня генералы в СССР и были всегда теми самыми «они».

Голова за раму зашла

Нам нужны были книжные полки.

Пришел мастер Алексей Иванович. Увидев на стене подаренный офорт Эрнста Неизвестного, спросил:

– Это что? Картина?

– А вы посмотрите, – сказала жена.

– Точно, картина. Вроде женщина. А голова за раму зашла.

Алексей Иванович и очки

Однажды Алексей Иванович пожаловался, что плохо видит.

– Вам нужны очки, – посоветовал я.

– А у меня есть. Купил у племяша за горсть мелочи. Не помогают, – сказал рабочий, по всей видимости, не читавший Крылова.

Напился и валялся как палка

Алеся спросила:

- Как же вы могли не прийти? Мы вас ждали целый день.
- Да я напился и валялся как палка, – поведал мастер.

Иностранное имя

Алексей Иванович рассуждал:

– Я что-то не пойму. Ты, Алеськ, русская, Григорь Иванныч – русский. Темка – русский. А у матери твоя имя иностранная.

У моей тещи действительно «иностранная имя» – Сафо.

Дай конфетку

Закончив работу под Новый год, Алексей Иванович пришел за расчетом.

Увидев на елке среди игрушек шоколадные конфеты, он сказал:

– Дай конфетку.

Алеся протянула вазочку.

– Нет, ты мне с елки дай, – попросил он.

Уж так хорошо...

Игоряшка работал с Алесей в редакционном отделе.

Двухметрового роста, смуглый, с маленькой головой, украшенной клобуком, с фаюмскими глазами, иссиня-черными волосами и бородой, он походил на персидского князя и выделялся ярким пятном в северной московской толпе.

Редактируя атеистические тексты, Игоряшка, вопреки советским правилам, аккуратно переписывал слово Бог с заглавной буквы.

Обещал Алесе мгновенное исцеление от всех недугов, если примет православную веру.

Бывало, присаживался рядом и говорил:

– Ой, благостно мне на тебя смотреть-то: сидишь вяжешь. Сама тоненькая, головка гладкая. Уж так покойно мне. Уж так тихо. Уж так хорошо...

Небезуспешно

У Игоряшки умерла жена, и он, осуществив давнюю мечту, постригся в монахи.

Однако, живя в монастыре, умудрился «распустить плоть» и тайно жениться.

Обман раскрылся. Разразился скандал. Игоряшку с позором выгнали из монахов.

Ничтоже сумняшеся, он стал сниматься в кино.

Говорят, безуспешно.

Нам будет очень удобно

Зимой 85-го года я поехал на творческую дачу в Тарусу.

В Тарусе нас встретил директор, назначенный только что на этот пост отставной полковник. Привычным макаром он велел художникам построиться в алфавитном порядке для переклички.

Раздался дружный хохот.

Через несколько дней моя жена приехала из Москвы меня навестить.

Увидав нас на прогулке, бывший воин, указывая пальцем на Алесю, строго спросил:

– Кто такая?

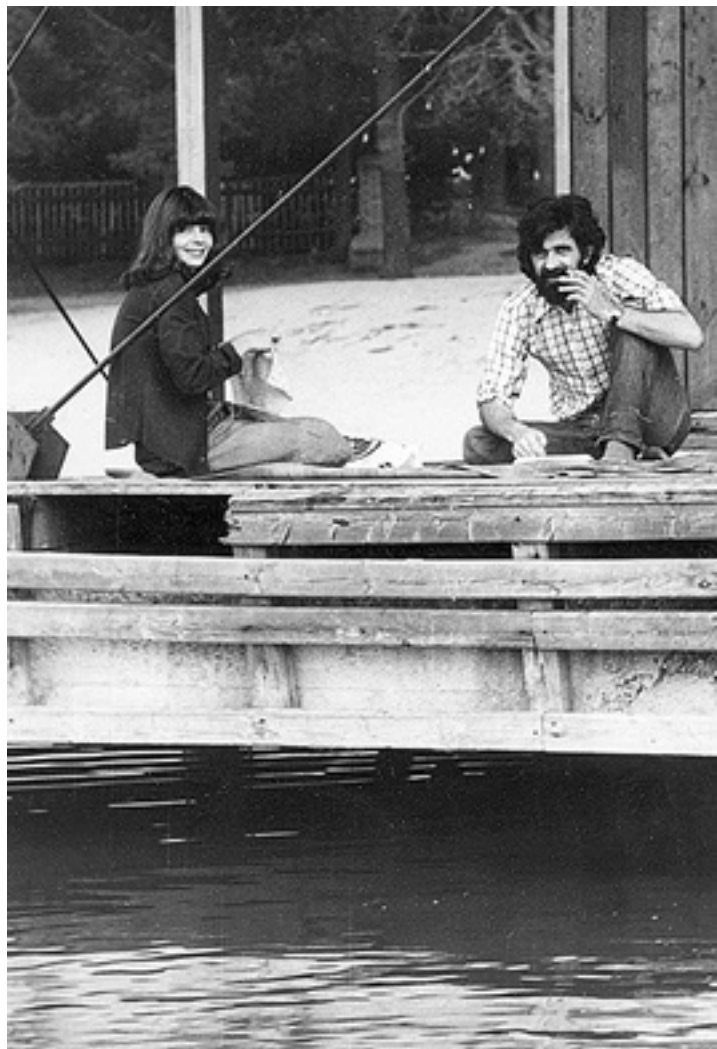
Я ответил, что это моя жена.

– Где будете ночевать? – поинтересовался полковник.

– В отведенной мне комнате, – сказал я.

– Но у вас там всего одна койка. Вам будет неудобно, – не унимался блюститель солдатских нравов.

– Нам будет очень удобно, – хором ответили мы.

Кому служите? На кого работаете?

Другим неприятным типом на даче был руководитель группы, старый художник Моторин.

Всю свою жизнь он писал один и тот же вялый натюрморт с окороком и рюмкой.

Моторин время от времени навещался в мастерские художников осуществлять руководство. Я увиливал сколько мог.

Наконец, он зашел ко мне в мастерскую.

Взглянув на работы, старик обернулся и, прищурившись, как при стрельбе из пистолета, пролаял высоким фальцетом:

– Кому служите? На кого работаете?

– Служу искусству. Работаю на вечность, – не задумываясь отрапортовал я.

Это так благородно

Мать моей приятельницы, хорошо зарабатывающая женщина, узнав, что у меня нет денег купить рулон холста, воскликнула:

– Бедность, Гриша, – это так благородно!

Как грязный носок

Мой учитель иврита Сеня крестился.

Через некоторое время понял, что сделал неверный шаг.

Решил перейти в иудаизм и обрезать.

Договорился со знакомым хирургом.

Операцию делали тайно. На кухне учителя.

Пациенту дали для храбрости выпить. После чего он во-
друзился на освобожденный кухонный стол. Сенина жена
Ася мужественно ассистировала: подавала скальпель, пин-
цет, вату, йод...

После операции Сеня сильно страдал.

Промучившись пару дней, позвонил доктору:

– Старик, распухло, швы ужасны, все болит. Я могу уме-
реть! Что делать?

– Выстирай, как грязный носок, и пускай в дело, – посо-
ветовал врач.

Достойный ответ

Наши приятели попросили сына Гришу, ученика четвертого класса, показать дневник с отметками.

– Суки бестактные! – возмутился интеллигентный мальчик.

Бизнесмен

Мы снимали дачу во Внуково.

Нашим хозяином был высокий, красивый, но непутевый малый, который носился со странными идеями.

Однажды он мне сказал:

– Гриша, одной кистью на жизнь не заработаешь. Давай разводить хазеров (свиней). К концу лета – у тебя «Жигули» и у меня «Жигули».

Хозяин возлагал большие надежды на кабачки, которые посадил по обе стороны узкой тропинки, ведущей от калитки к дому.

Каждый день поливая всходы, «бизнесмен» лелеял мечту получить необыкновенный урожай и к концу лета разбогатеть.

Радость

Неподалеку жила и работала Наташа Нестерова.

Хозяев звали Зося и Борис.

Все животные в доме носили отчество Борисович.

Например, кота звали Василь Борисович. Поросянка – Борис Борисович.

Как-то под вечер появились Наташа с Зосей.

Зося, неся в руках угощение – блюдо с холодцом, с порога сообщила новость:

– Радость у нас большая! Левочка (Наташин сын) в институт поступил, – затем, показывая пальцем на холодец, – Борис Борисыча вот порешили. Попробуйте Борис Борисыча!

За водкой и «Борис Борисычем» мы отпраздновали счастливое событие.

Поздно ночью, неуверенно держась на ногах, гости отбыли.

Рано утром, высунув нос на улицу, я увидел «Пейзаж после битвы» с побитыми кабачками.

Некто

Как-то раз мне позвонил некто и по-французски сказал, что привез пару видеокассет в подарок от моего друга юности, живущего в Вашингтоне. Мы договорились встретиться у выхода из метро «Площадь Маяковского», находящегося в том же доме, где была моя мастерская.

В какой-то момент появился запыхавшийся человек, с опаской поглядывающий по сторонам.

— За мной хвост, — сообщил он, — всю дорогу от отеля за мной шел неизвестный с синим пластиковым пакетом.

Оглядевшись и не увидев ничего подозрительного, я решил, что парню, напуганному рассказами о вездесущей советской госбезопасности, повсюду мерещатся агенты КГБ.

Мы направились в мастерскую.

Узнав, что он является председателем молодежного отделения Христианской демократической партии, я понял, что его опасения небезосновательны.

Председатель вручил подарок и спросил, нет ли среди моих друзей священника.

Я дал утвердительный ответ и получил в руки увесистый пакет с религиозной литературой и пачку листовок, после чего молодой человек откланялся.

Вылитый вор

Было лето, и мы с женой собирались из мастерской ехать на дачу.

Я прихватил из дома для сына Темы пару «невинных» книг: Солженицына и Авторханова. Уложив книги вместе с «гостинцами» в сумку, мы отправились в метро.

У касс к нам подошли два милиционера и попросили предъявить документы.

На вопрос «почему?» стражи советского порядка поведали, что только что у одной гражданки украли сумку, точь-в-точь как у нас, и что по описанию я – вылитый вор.

Подсчитывая в уме, сколько лет мы должны схлопотать за просвещение сына, я терялся в догадках по части таинственных листовок.

Леденеющей от ужаса рукой я протянул паспорт. Мусор аккуратно переписал данные в свою книжечку.

– А теперь ваши документы, – грозно обратился он к моей жене, у которой, по всей видимости, тоже был воровской вид.

Получив нужную им информацию, к нашему счастью, менты отвалили.

Синий пакет

В вагоне метро мне бросился в глаза невзрачный человек с синим пластиковым пакетом.

Мы решили сойти на следующей остановке. «Синий пакет» сошел вслед.

Сев на хвост, «пакет» последовал за нами и тогда, когда подошел следующий поезд.

Вспомнив все прочитанные детективы и проделав ряд хитроумных маневров, почерпнутых из пригодившейся литературы, мы наконец «оторвались».

Прибыв на дачу, решили послушать последние известия. Диктор сообщил главное событие дня: выступление молодчиков-боевиков, фашистов из пресловутой ХДС в защиту антинародной польской солидарности, которое кончилось грязным дебошем и потасовкой с праведно возмутившимися простыми советскими людьми, проводившими Игры доброй воли на Олимпийском стадионе в Москве.

Не забыв заглянуть под кровать

Однажды мне позвонил из своего офиса только что прибывший в Россию очередной корреспондент «Нью-Йорк таймс», аккредитованный в Москве.

Журналист сообщил, что привез мне письмо и хочет его передать.

Мы встретились у памятника Маяковскому, отправились ко мне в мастерскую и, поговорив о том о сем, расстались.

Вслед за американским гостем пришли ученики, которых я натаскивал, как «правильно» написать и нарисовать на вступительных экзаменах в художественный институт.

Вдруг дверь нашей мирной художественной школы сотряслась от оглушительного стука.

Открыв, я увидел на пороге милицию и сразу сообразил, что гэбэшный топтун послал наряд выяснить, к кому навещался свеженький западный спецкор.

Потеснив меня внутрь помещения и рассказав на удивление захватывающую историю – оказывается, в соседнем доме ограбили квартиру, преследуемый грабитель скрылся в подъезде, похоже, в моей мастерской, – менты потребовали документы для установления моей явно подозрительной личности.

Зайдя в комнату и с удивлением увидев оторопевших подростков, правоохранительные органы для блезира пошарили

по углам.

Не забыв при этом заглянуть под кровать.

Топтун

В начале 80-х хороший приятель, искусствовед Боб Бродский, привел ко мне в мастерскую продюсера швейцарского телевидения Эрика Пешлера. Эрик стал моим коллекционером и близким другом.

Снимая документальные фильмы про советскую жизнь, Эрик постоянно приезжал в Москву и каждый раз увозил небольшую картину в багаже.

В этот злосчастный вечер, находясь как раз в городе, Пешлер пришел ко мне забрать очередную картину.

Надежно упаковав произведение, я выглянул во двор и встретился глазами со странной личностью, прохаживающейся под окнами. Через полчаса, мы с Эриком снова взглянули вниз: личность была на месте.

Пришлось ждать.

Тяжелая алкоголичка

У нас были планы пойти из мастерской к приятелю Эрика, композитору Катаеву, жившему неподалеку.

Моя жена Алеся собиралась к нам присоединиться, имея адрес, где главным ориентиром был винный магазин. Позволив несколько раз Катаевым и узнав, что мы с Эриком не пришли, она стала беспокоиться. В конце концов, не выдержав, отправилась в мастерскую, где не было телефона.

Как раз в это время топтун под покровом ночи прикинулся невидимкой. Мы со свертком в руках, поглядывая по сторонам, отправились наконец в гости, разминувшись с моей женой.

В два часа ночи, не найдя никого в мастерской, впопыхах, в распахнутой дубленке Алеся бросилась разыскивать дом Катаевых. Случайно столкнувшись на улице нос к носу с нашим приятелем и, будучи в панике, она закричала, забыв поздороваться:

— Где здесь винный магазин? — произведя на него впечатление тяжелой алкоголички.

С акцентом пленного немца

Через пару дней Пешлер улетал в Швейцарию.

Имея статус VIP, он никогда не предъявлял багаж к досмотру.

На сей раз таможенник потребовал показать содержимое чемодана. Обнаружив картину, он строго попросил объяснений, пригрозив вызвать экспертов-специалистов.

На ломаном русском, с акцентом «пленного немца» Эрик стал шуметь, что картину купил на толкучке в Измайлово за три рубля и везет ее детям, показать, как счастливо живут пионеры в СССР. Обилие объяснений и жестикуляции «достали» недоверчивого стража, который в конце концов, махнув рукой, сказал:

– Проходите.

Призрак

Несколько лет спустя в Нью-Йорке я посетил Советскую миссию при ООН на 67-й улице.

Русское консульство находилось тогда в Вашингтоне, и нотариально заверить нужный мне советский документ можно было только в этом мрачноватом заведении.

Выйдя, я направился домой, погруженный в свои мысли.

По дороге как из-под земли возник призрак: спортивно одетый человек с теннисной ракеткой в руках.

Широко улыбаясь, «спортсмен» спросил, как пройти на Центральную железнодорожную станцию, откуда, по-видимому, собирался отправиться играть в теннис.

Я объяснил.

– Откуда у вас такой очаровательный акцент? – поинтересовался незнакомец.

Я ответил.

Не унимаясь и с нехарактерной в таких случаях для американцев настойчивостью, «теннисист» приступил ко мне с расспросами:

– Не правда ли, хорошая погода? Откуда и куда направляетесь?

Поняв, наконец, с кем имею дело, я послал человека куда подальше.

Призрак волшебным образом испарился.

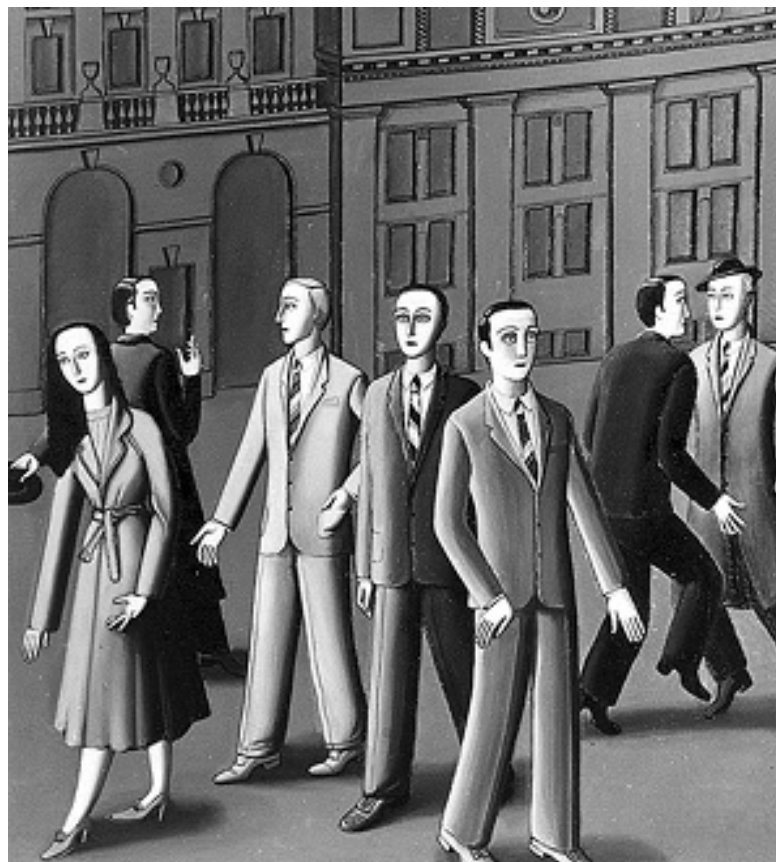
В свободной стране

Продолжая свой путь и решив добраться домой на такси, я стал «голосовать».

Подшли трое полицейских и попросили предъявить документы. Находясь в свободной стране, я свободно спросил, по какому праву.

Изумившись, я услышал до боли знакомую историю: напротив, мол, обокрали прилавков, грабитель, как две капли воды, смахивает на меня, а мою и его куртку – не отличить.

Советская миссия при ООН, видимо, была «под колпаком», и ФБР, собирая информацию о посетителях «плохого» дома, пользовалось идентичной КГБ методикой.

Иди сюда, я тебя метровым сделаю

Леха сел в 17 лет. Не участвуя сам в грабеже, он организовал дело.

Когда вышел на волю, Алесиные родители приняли участие в его судьбе.

Леха замечательно пел под гитару лагерные песни. Поступил в Литературный институт.

Колоритная личность производила сильное впечатление на окружающих.

Будучи благодарен Алесиным родителям, говорил:

– Вы ж меня лысым взяли. Если кто обидит, приду и дверь задом выбью.

Если ему кто-нибудь не нравился:

– Ты двухметровый? Ну, иди сюда, я тебя метровым сделаю.

Интимные отношения обозначал кратко: «перетягивать матрас».

Однажды, придя с избранницей, сказал:

– Мы с Еленой Николавной идем друг к другу как встречный план. Пока папки нет, можно мы с ней у него в кабинете упадем? – уточнив с уважением, что она – кандидат наук.

Отпросился на горшок

У меня была ученица по имени Света.

Один раз Света пришла заплаканная и в отчаянии рассказала, что муж, занявшись нелегальным бизнесом, влип в историю. Ему угрожают жизнью семьи. В милицию идти нельзя.

Мы вспомнили о Лехе.

Он пришел в тот же вечер.

На вопрос Алеси, куда пропал, поведал:

– Тут ко мне пришли. Я отпросился на горшок и съел записную книжку. А может, они захотят и к тебе прийти: здесь у тебя Набоков, а тут – Солженицын, а ты лежишь, играешь на гитаре и куришь анашу.

Пусть думают, что они – Мересьевы

Света с непутевым мужем Лехе не понравились.

Тем не менее, узнав, от кого исходят угрозы, предложил найти злодеев.

– И что? – спросили мы.

– Скажу: не троньте Борю, а то я огорчусь, – ответил Ле-ха. – Или привезу и велю ползти по полу. Пусть думают, что они – Мересьевы. Или отправлю в Шушенское учить устав КПСС.

В конце был упомянут Коля Каблук, который уладит дело. Больше бизнесмена никто не трогал.

Динозавр

Я прилетел из Нью-Йорка в Москву и позвонил Лехе.

Мы встретились.

На прощание, протянув мешок с хохломой в подарок, он сказал:

– Гриша, динозавры вымерли, но я остался. Если что надо будет – позвони.

«Телега»

В 1983 году Союз художников Литвы пригласил меня совместно с художницей С. Богатырь сделать выставку в Вильнюсе.

Прогрессивный председатель СХ Тальберг дал разрешение. Вернисаж состоялся в конце июля.

В Книге отзывов появились противоречивые записи зрителей: от восторгов («Спасибо художнику – я могу теперь идти по жизни с гордо поднятой головой». Шапиро) до откровенных угроз («Г-н Брускин, снимите свои работы и скорее уезжайте к себе домой, пока вас не арестовали». Литовка).

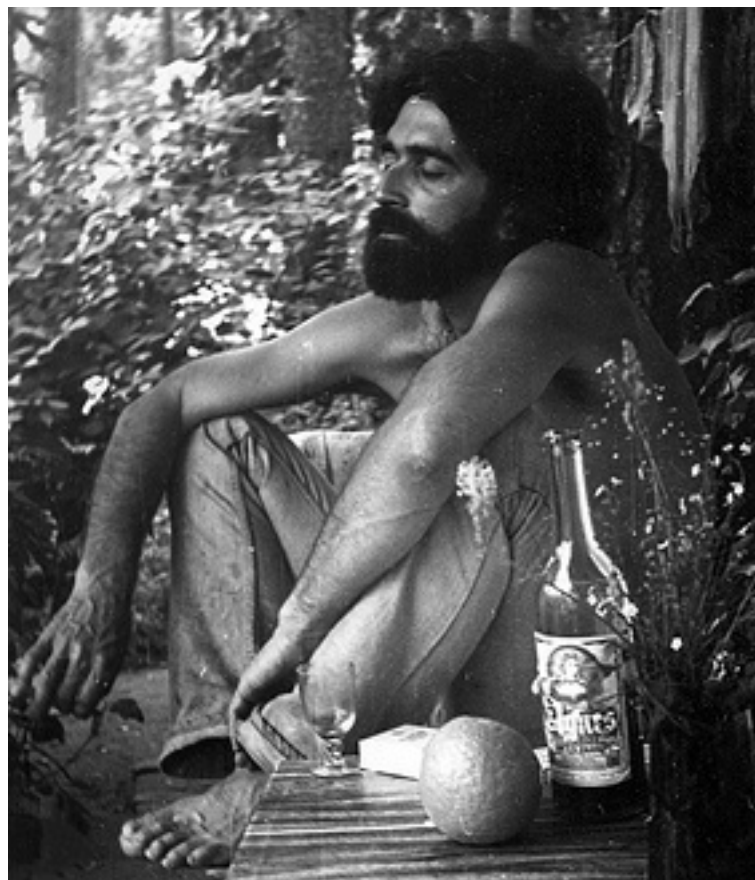
Спустя неделю зав. идеологическим отделом ЦК компартии Литвы тов. Шепетис посетил выставку и, возмущившись увиденным, распорядился ее закрыть. Одновременно он направил в МК партии «телегу».

Горком, пожурив правление Московского отделения СХ за идеологический просчет, предписал «принять меры».

Руководство Союза художников вызвало меня на товарищеский суд, потребовав, по наводке литовского идеолога, представить улики – картину «В красном пространстве» и Книгу отзывов.

Перекроив предварительно Книгу отзывов и вырвав страницы с угрозами и обвинениями, а также вписав «хорошие» отклики, я явился на судилище. Началось представление, до-

стойное пера Ионеско.

Человечество в опасности

Начальство не было уверено, что именно мне следует инкриминировать – сионизм или антисоветизм.

Решили вменить и то, и другое.

Все члены суда были художниками-бюрократами. Они потребовали объяснить содержание картины и ее красный фон.

В ответ я промямлил что-то по части общечеловеческого.

Тогда один партийный босс заметил, что это – чуждая советским людям идеология экзистенциализма, провозглашенная политически неграмотным французским философом Жан-Поль Сартром.

Другой чиновник обратил внимание коллег на то, что красный фон на картине не что иное, как издевательство над святым красным знаменем, а изображенные люди выдают злобный умысел автора – насмешку над достойным советским народом – строителем коммунизма.

Наконец, третий функционер грозно спросил, прочел ли я вчерашние газеты. Услышав отрицательный ответ, он вскипел:

– Напрасно. Мир, между прочим, на грани ядерной войны. Американцы потрясают оружием. Человечество в опасности. А вы себе позволяете такое!

На слове «такое» меня попросили выйти. Суд был закончен.

Приговор – общественное порицание.

Старик, ты, надеюсь, понял...

Любопытно, что человек, напомнивший собравшимся об американской угрозе, чуть позже нашел меня в кулуарах здания и, убедившись, что никого рядом нет, сказал:

– Старик, ты, надеюсь, понял, что я сделал все, чтобы тебя спасти? Ты сам себя погубил: вместо того чтобы молчать и вести себя тихо, ты все время возражал. Всем стало ясно, что ты не осознал своей вины.

Спас меня художник Игорь Попов, возглавлявший после смерти Тальберга Московский СХ. Когда «снизу» и «сверху» от него потребовали моего исключения из Союза художников, он ответил, что в этом случае сложит с себя полномочия.

Вероятно, Попов, с одной стороны, поступил, как говорится, по совести, а с другой – не хотел создавать опасного прецедента в подведомственной ему организации.

Я до сих пор благодарен этому достойному человеку.

Волчий билет

В 1984-м году у меня должна была состояться за несколько лет до того запланированная выставка в Центральном доме работников искусств.

Руководство Дома ничего не знало о литовских баталиях. Осведомленные друзья из выставочной комиссии посоветовали мне с осторожностью отобрать работы, что и было сделано.

Выставка торжественно открылась при большом скоплении народа. Как водилось тогда, на вернисаже произошло жаркое обсуждение выставленных картин, после чего устроили банкет в местном ресторане.

Приехав на следующий день в ЦДРИ, я обнаружил двери выставочного зала закрытыми.

Оказалось, что в этот день в 9 утра в помещении напротив выставочного проходило заседание Горкома партии. На повестке дня было усиление идеологической работы в области искусства.

Референт Горкома по идеологии тов. Рогожин в докладе в качестве примера серьезного идеологического просчета привел крамольную выставку Брускина в Вильнюсе, обрисовав творчество художника самым непривлекательным, с точки зрения партии, образом.

В 11 часов напротив распахнулись двери.

В 12 участники конференции во главе с Рогожиным вышли на обеденный перерыв и увидели криминальную выставку идеологического врага у себя под носом.

Разразился скандал. Выставку немедленно закрыли. Руководство Дома сняли.

Мне навсегда выдали выставочный «волчий билет».

Верный ленинец

В 1985 году в России пришел к власти верный ленинец Горбачев.

Предписав всем советским людям вместо водки пить кефир и быть дисциплинированными, он объявил гласность и перестройку.

Никто всерьез не воспринял новичка: советские лидеры время от времени провозглашали «новый» этап развития социализма на его неотвратимо победном пути к коммунизму.

Это выглядело очередным омолаживающим макияжем на лице знакомого старца.

До 1987 года Россия по-прежнему была изолирована от мира пресловутым железным занавесом.

Культура оставалась под жестким идеологическим контролем.

В стране проводились помпезные тематические выставки, посвященные славным большевистским датам.

Непроинформированная общественность

Позвонил Пригов и сказал, что Московское телевидение хочет снять репортаж о новых неизвестных поэтах: Пригове, Рубинштейне, Гандлевском и Кибирове.

Саныч (как я его называл) предложил провести съемку у меня в мастерской на Маяковке с коварной идеей поместить мои картины в качестве фона и, таким образом, проинформировать общественность о моем существовании.

Я подготовил «фон» в виде «Фундаментального лексикона».

В назначенный час ко мне ввалилась команда телевизионщиков в сопровождении слуг московского Парнаса.

Не зная, кто хозяин мастерской, дама-режиссер в моем присутствии громко сказала оператору:

– Снимай так, чтобы эти гнусные картины ни в коем случае не попали в кадр.

Общественность так и осталась непроинформированной.

Обновленные принципы

В феврале 1987 года художники решили организовать выставку «Художник и современность» в выставочном зале на Каширке.

Были приглашены те, кто по тем или иным причинам не соответствовал принципам социалистического реализма и не мог показывать свои работы ранее.

В то же время Горбачев, желая продемонстрировать всему миру «добрую волю» и обновленные коммунистические принципы, организовал помпезную конференцию в Москве, так называемый «Форум за безъядерный мир».

Наприглашал выдающихся деятелей политики, религии и искусства.

Откликнувшись на призыв, среди прочих приехали Фридрих Дюрренматт, Макс Фриш, Йоко Оно и Милош Форман.

Мы постарались через знакомых переводчиков оповестить участников конференции о том, что в Москве открывается альтернативная художественная выставка, и лично пригласили вышеназванных мировых знаменитостей на вернисаж.

Заранее договорились, что если власти захотят убрать какие-либо работы, то все художники снимут свои произведения со стен.

Жрицы власти

Как было заведено, когда была готова экспозиция, явились цензоры в виде двух идеологических дамочек из Министерства культуры осуществлять партийный контроль.

Жрицы власти потребовали убрать две работы.

Их партийную нравственность возмутила картина В. Янкилевского «Свет и тьма», в центре которой был изображен мутант с головой, растущей из заднего прохода.

Политическую бдительность шокировала моя картина «Фундаментальный лексикон».

Ценное указание

Оповестив дамочек, что на открытие приглашен весь культурный бомонд с проходящей горбачевской конференции, организаторы-художники отказались снять эти работы.

Стояли насмерть, угрожая международным скандалом: мол, мир узнает, что горбачевская гласность – очередное надувательство и потемкинские деревни.

Надо сказать, культурные бюрократы находились в тот момент в смятении: не хватало ценных указаний сверху. Никто не знал, куда подует ветер в следующую секунду.

В конце концов, ценное указание спустил с министерского олимпа тогдашний министр культуры.

И в Москве открылась первая свободная нецензурированная выставка.

Во-первых, никакой композиции...

На следующий день после открытия художница Нина Сергеева, член партийного бюро секции живописи, с этюдником на плече, в белой хлопчатобумажной кепке прогуливалась по залам выставки.

Увидев меня, строго спросила:

– А где ваши работы?

Я показал на «Фундаментальный лексикон».

– Очень плохо! – сказала Нина. – Во-первых, никакой композиции. Во-вторых, белое к фону не найдено. В-третьих, вот вы тут сидите и ничего не знаете, а я объездила весь мир. Это вчерашний день искусства. Это все уже давно было на Западе.

Рабочее слово

Выставка произвела сенсацию в Москве.

В зал на Каширке выстроились длинные очереди испытывающих культурный голод москвичей, просто любопытных и товарищей, желающих посетить и покритиковать.

Районные партийные боссы решили себя обезопасить на случай, если правительство даст обратный ход гласности.

К выставочному залу стали прибывать автобусы, «упакованные» коллективами районных предприятий.

Народ аккуратно высказывал свое бесхитрое рабочее слово на страницах Книги отзывов.

Кое-кто угрожал художникам расправой (цитирую дословно отзыв одной милой трудящейся девушки: «А художника Кабакова я расстреляла бы своими собственными руками из пулемета и размазала бы его по его же белому холсту»).

Странная организация

В 1987 году я посмотрел видеокассету запрещенного в СССР фильма «Кто-то пролетел над гнездом кукушки», который произвел большое впечатление.

Прочитав накануне выставки в газетах, что в Россию на горбачевскую конференцию приезжает Милош Форман, я сказал своей жене, что этому человеку мне хотелось бы показать «Фундаментальный лексикон».

Форман пришел на выставку, и мы познакомились. Кинорежиссер оказался на редкость живым и милым человеком, с которым было легко и интересно беседовать.

Милош выразил желание приобрести с выставки две картины: мой «Фундаментальный лексикон» и работу Андрея Гросицкого.

Для этого на следующий день мы все отправились в организацию со странным названием «Межкнига», которая, среди прочего (вероятно, торговли оружием), ведала экспортом искусства за границу.

Мистер Твистер

«Межкнига» охранялась стражами порядка, как средневековая крепость. На проходной нам преградила путь милиция.

Надо сказать, что их взору предстала весьма подозрительная компания: мы с Андреем – два не вызывающих доверия типа – возмутительные, богемные, «неправильные» художники, переводчица – обыкновенный советский человек и еще недавно опальная в России голливудская звезда Милош Форман.

Одетый с головы до пят в кожу и лисьи меха, с дорогой сигарой во рту, Форман выглядел в затюканной серой зимней Москве маршаковским Мистером Твистером.

Из проходной мы позвонили нужному чиновнику, сообщив, кто находится внизу, и изложив суть дела.

По всей видимости, визит вызвал ведомственный переполох. Товарищи долго совещались между собой и с соответствующими «органами»: прогнать или впустить, разрешить или запретить.

Не обнаружив художественной ценности

Наконец, после полуторачасового ожидания, нас вежливо пригласили проследовать в соответствующую комнату.

Чиновники, следуя полученной инструкции и не желая осложнять международные отношения, разрешили продажу.

Оценка должна была быть произведена Художественным советом Министерства культуры. Совет оценил мою картину в 2 тысячи рублей, не обнаружив особой художественной ценности.

Вторая часть той же картины такого же размера была продана спустя полтора года на первом (и последнем) Московском аукционе Sotheby's за 416 тысяч долларов.

Я только пописал

Как-то раз в мастерскую постучали.

Открыв, я обнаружил за дверью молодого человека с типично шотландской внешностью.

Пришелец был московским корреспондентом английской газеты «Гардиан». Сказав, что хочет взять интервью, он прошёл в студию.

Решив наладить дружеский контакт, корреспондент с ходу вынул флягу с коньяком, сказал, что мы с ним одного поколения и наверняка у нас много общих интересов, например спортивная игра бейсбол.

После коньяка парню захотелось в туалет. Когда он вышел, я показал ему, где можно помыть руки.

– Спасибо, мне не нужно, – ответил шотландец, – я только пописал.

Условные обозначения

Один западный куратор пришел ко мне посоветоваться о составе участников выставки, которую он собирался организовать, и показал список.

Я сказал, что, будучи сам художником, не могу давать подобные советы.

Бросив из любопытства взгляд на список, я заметил, что напротив каждой фамилии стоит значок: стрелочка, плюс, минус, кружочек.

Внизу листа помещались объяснения:

стрелочка – гений;

плюс – талант;

минус – середняк;

кружочек – бездарь.

Увидев недоумение на моем лице, гость пояснил, что встретил даму, близкую к художественным кругам, которая, желая ему помочь, ввела условные обозначения.

Вообще-то дороговато

После выставки на Каширке у меня в мастерской появился симпатичный греческий журналист по имени Герасимус.

Он захотел купить небольшую картину. Я назвал цену – 400 долларов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.